

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

3 класс

ХРЕСТОМАТИЯ

Содержание

Русские народные сказки.....	6
Сказка «Пузырь, соломинка и лапоть».....	6
Сказка «Петух и жерновцы».....	7
Сказка «Как Весна Зиму поборол».....	10
Белорусские народные сказки.....	13
Сказка «Синяя свита навыворот шита».....	13
Сказка «Пых».....	17
Арабская сказка.....	20
«Приключения Синдбада-Морехода. Первое путешествие».....	20
Корякская сказка.....	25
«Хитрая лиса».....	25
Братья Гримм.....	28
Сказка «Горшочек каши».....	28
Ханс Кристиан Андерсен.....	30
Сказка «Дикие лебеди».....	30
Шарль Перро.....	46
Сказка «Золушка, или хрустальная туфелька».....	46
Сказка «Кот в сапогах».....	55
Дмитрий Мамин-Сибиряк.....	61
Присказка.....	61
Сказка про храброго Зайца-длинные уши, косые глаза, короткий хвост.....	61
Сказочка про Козявочку.....	64
Сказка про Комара Комаровича-длинный нос и про мохнатого Мишу-короткий хвост.....	68
Сказка про Воробья Воробеича, Ерша Ершовича и весёлого трубочиста Яшу. .	73
Пора спать.....	80
Владимир Орлов.....	89
Стихотворение «Узелки».....	89
Лев Толстой.....	91
Басня «Отец и сыновья».....	91
Басня «Садовник и сыновья».....	91
Рассказ «Прыжок».....	92
Рассказ «Булька».....	94
Рассказ «Лебеди».....	95
Рассказ «Какая бывает роса на траве».....	96
Сказка «Ореховая ветка».....	97
Иван Крылов.....	99
Басня «Ворона и лисица».....	99
Басня «Квартет».....	100
Борис Житков.....	102

Рассказ «Про обезьянку».....	102
Рассказ «Мангуста».....	114
Иван Соколов-Микитов.....	118
Зима.....	118
На опушке.....	118
Тетерева.....	119
На лесной дороге.....	119
Глухари.....	120
Беляк и куница.....	120
В берлоге.....	121
Волки.....	122
Олени.....	122
Зимняя ночь.....	123
Весна.....	124
Весна в лесу.....	124
Весеннее утро.....	124
На краю леса.....	125
В овраге.....	126
Медвежья семья.....	126
Логово рыси.....	127
У старой сосны.....	128
Ранней весной.....	128
Над болотом.....	129
Весенний вечер.....	130
Лето.....	131
Летний рассвет.....	131
Филин.....	132
На вырубке.....	132
Лесные сторожа.....	133
Лисья нора.....	133
Над рекой.....	134
Рысёнок.....	134
Лоси.....	135
Летняя ночь.....	136
Осень.....	137
Улетают журавли.....	137
У лесного озера.....	138
Беляк.....	139
Ёж.....	139
Белки.....	140
Медведи.....	140
Рысь.....	141
Осенний вечер.....	141
Алексей Плещеев.....	143
Стихотворение «Птичка».....	143
Афанасий Фет.....	144
Стихотворение «Рыбка».....	144
Стихотворение «Осень».....	145
Фёдор Тютчев.....	146

Стихотворение «Зима не даром злится».....	146
Константин Ушинский.....	147
Рассказ «Ласточка».....	147
Рассказ «Ветер и Солнце».....	149
Рассказ «Капустная бабочка».....	150
Сказка «Проказы старухи зимы».....	151
Александр Блок.....	153
Стихотворение «На лугу».....	153
Стихотворение «Ветхая избушка».....	154
Алексей Толстой.....	155
Стихотворение «Где гнутся над омутом лозы...».....	155
Аполлон Майков.....	156
Стихотворение «Летний дождь».....	156
Николай Греков.....	156
Стихотворение «Летом».....	156
Николай Некрасов.....	157
Стихотворение «Славная осень».....	157
Александр Пушкин.....	158
Стихотворение «Уж небо осенью дышало...».....	158
Стихотворение «Вот север, тучи нагоняя...».....	158
Сергей Есенин.....	159
Стихотворение «Пороша».....	159
Спиридон Дрожжин.....	160
Стихотворение «Пройдёт зима холодная».....	160

Русские народные сказки

Сказка «Пузырь, соломинка и лапоть»

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть. Пошли они в лес дрова рубить. Дошли до реки и не знают, как перейти через реку.

Лапоть говорит пузырю:

– Пузырь, давай на тебе переплывём!

– Нет, лапоть! Пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, мы по ней перейдём.

Соломинка перетянулась с берега на берег. Лапоть пошёл по соломинке, она и переломилась. Лапоть упал в воду. А пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул.

Сказка «Петух и жерновцы»

Жил да был себе старик со старухой, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть.

Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один жёлудь в подполье.

Пустил жёлудь росток и в небольшое время дорос до полу.

Старуха заприметила и говорит:

– Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растёт выше: как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать.

Старик прорубил пол.

Деревце росло, росло и выросло до потолка.

Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял.

Дерево всё растёт да растёт и доросло до самого неба.

Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез, лез и взобрался на небо.

Ходил, ходил по небу, увидал: сидит кочеток-золотой гребенёк, маслена головка и стоят жерновцы. Вот старик долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит:

– Как нам, старуха, быть, что нам есть?

– Пстой, – молвила старуха, – я попробую жерновцы.

Взяла жерновцы и стала молоть: ан блин да пирог, блин да пирог!

Что ни повернёт – всё блин да пирог!.. И накормила старика.

Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату.

– Нет ли, – спрашивает, – чего-нибудь поесть? Старуха говорит:

– Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинчиков? Взяла жерновцы и намолола; напáдали блинчики да пирожки.

Приезжий поел и говорит:

– Продай мне, бабушка, твои жерновцы.

– Нет, – говорит старушка, – продать нельзя. Он взял, да и украл у ней жерновцы. Как увидели старик со старушкой, что украдены

жерновцы, стали горе горевать.

– Постой! – говорит кочеток-золотой гребенёк. – Я полечу, догоню!

Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит:

– Кукареку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Как услышал барин, сейчас приказывает:

– Эй, малый! Возьми, брось его в воду.

Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать:

– Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду! – И выпил всю воду.

Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит:

– Кукареку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Барин велел повару бросить его в горячую печь.

Поймали кочетка, бросили в горячую печь – прямо в огонь; он и стал приговаривать:

– Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду! – И залил весь жар в печи.

Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит:

– Кукареку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!

Гости услышали это и побежали из дому, а хозяин побежал догонять их; кочеток-золотой гребенёк схватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

Сказка «Как Весна Зиму поборола»

Жила-была в одном селе Машенька. Сидела она под окном с берёзовым веретеном, прялa белый ленок и приговаривала:

— Когда Весна придёт, когда тaлица ударится, и с гор снега скатятся, а по лужкам разольётся вода, — напеку тогда я куликов да жаворонков, и с подружками Весну пойду встречать, в селo погостить кликать-звать.

Ждёт Маша Весну тёплую, добрую, а той не видать, не слышать. Зима-то и не уходит, всё Морозы куёт; надокучила она всем, холодная, студёная, руки, ноги познобила, холод-стужу напустила. Что тут делать? Беда!

Надумала Маша идти Весну искать. Собралась и пошла.

Пришла она в поле, села на взгорочек и зовёт Солнце:

*Солнышко, Солнышко,
Красное вёдрышко,
Выгляни из-за горы,
Выгляни до вешней поры!*

Выглянуло Солнце из-за горы.

Маша и спрашивает:

— Видело ли ты, Солнышко, красную Весну, встретило ли свою сестру?

Солнце говорит:

— Не встретило я Весну, а видело старую Зиму. Видело, как она, лютая, от Весны ушла, от красной бежала, в мешке стужу несла, холод на землю трясла. Сама оступилась, под гору покатилась. Да вот в ваших краях пристоялась, не хочет уходить. А Весна про то и не знает. Иди, красная девица, за мной, как увидишь перед собой лес зелен весь, там и ищи Весну. Зови её в свои края.

Пошла Маша искать Весну. Куда Солнце катится по синему небу, туда и она идёт. Долго шла.

Вдруг предстал перед ней лес зелен весь. Ходила, ходила Маша по лесу, совсем заблудилась. Лесовые комарочки ей плечики искусили, сучки-крючки бока протолкали, соловьи уши пропели, дождевые капли голову смочили. Только присела Маша на пенёк отдохнуть, как видит – летит лебедь белая, приметливая, снизу крылья серебряные, поверху позолоченные. Летит и распускает по земле пух да перья для всякого зелья.

Та лебедь была — Весна. Выпускает Весна по лугам траву шелковую, расстилат росу жемчужную, сливает мелкие ручейки в быстрые речки. Стала тут Маша Весну кликать-звать, рассказывать:

– Ой, Весна-Весна, добрая матушка! Ты иди в наши края, прогони Зиму лютую. Старая Зима не уходит, всё Морозы куёт, холод-стужу напускает.

Услышала Весна Машин голос. Взяла золотые ключи и пошла замыкать Зиму лютую.

А Зима не уходит, Морозы куёт да посылает их наперёд Весны заслоны сколотить, сугробы наместить. А Весна летит, где крылом серебряным махнёт – там и заслон сметёт, другим махнёт – и сугробы тают. Морозы-то от Весны и бегут.

Обозлилась Зима, посылает Метель да Вьюгу повыхлестать Весне глаза. А Весна махнула золотым крылом, тут и Солнышко

выглянуло, пригрело. Метель с Вьюгой от тепла да света водяной порошей изошли.

Выбилась из сил старая Зима, побежала далеко-далеко за высокие горы, спряталась в ледяные норы. Там её Весна и замкнула ключом.

Так-то Весна Зиму поборола!

Вернулась Маша в родное село. А там уже молодая царица Весна побывала. Принесла год тёплый, хлебородный.

Белорусские народные сказки

Сказка «Синяя свита навыворот шита»

Жил-был царь-чародей. Кликнул он клич по всему царству: «Кто сумеет от меня спрятаться, тому полцарства отдам».

Нашёлся такой охотник – Синяя свита навыворот шита. Приходит он к царю-чародею.

— Я, — говорит, — могу так спрятаться, что ты меня не найдёшь.

— Хорошо, — говорит царь. — Коли спрячешься — полцарства тебе, а нет — голова с плеч. Распишись.

Расписался Синяя свита навыворот шита и давай прятаться. Пред царём стоял добрым молодцем, бежал по двору чёрным соболем, лез под воротами белым горностаем, летел по полю серым зайцем.

Коль бежать, так бежать — забежал в тридевятое царство. А в том царстве был большой-пребольшой луг. Прибежал он на тот луг и обернулся тремя цветиками.

На другой день поднялся царь, посмотрел в свою волшебную книгу и говорит:

— Предо мной стоял добрым молодцем, бежал по двору чёрным соболем, под воротами лез белым горностаем, летел по полю серым зайцем. Прибежал на большой луг в тридевятое царство и обернулся тремя разноцветными цветиками.

Кликнул царь своих слуг и велел им сходить в то царство да принести с большого луга три цветика разноцветных.

Пошли слуги. Долго шли или коротко, дошли до большого луга, сорвали те цветики, завернули в платочек и принесли их царю.

— Ну что. Синяя свита, спрятался ты от меня? Сделался Синяя свита человеком и говорит:

— Дозволь мне, царь, ещё раз спрятаться.

Царь дозволил.

Синяя свита наыворот шита пред царём стоял добрым молодцем, бежал по двору чёрным соболем, лез под воротами белым горностаем, летел по полю серым зайцем. Коль бежать, так бежать — забежал за тридевять земель, в тридесятое царство. А в том царстве есть такое болото, что сверху мох, а под ним озеро. Зашёл он в мох, обернулся рыбой-окунем, забрался на самое дно озера и сидит там.

Утром поднялся царь, посмотрел в свою волшебную книгу и говорит:

— Предо мной стоял добрым молодцем, бежал по двору чёрным соболем, под воротами лез белым горностаем, летел по полю серым зайцем. Забежал за тридевять земель, в тридесятое царство, обернулся рыбой-окунем и спрятался во мшистом болоте!

Велел царь своим слугам идти в тридесятое царство, очистить болото мшистое и поймать там окуня.

Так слуги и сделали: болото очистили, забросили невод и поймали окуня. Завернули его в платочек, принесли царю.

— Ну что. Синяя свита наыворот шита, спрятался ты от меня и во второй раз? — смеется царь.

Синяя свита сделался опять человеком и говорит:

— Дозволь, царь, спрятаться ещё раз.

Царь позволил.

Синяя свита стоял пред царём добрым молодцом, бежал по двору чёрным соболем, лез под воротами белым горностаем, летел по полю серым зайцем. Коль бежать, так бежать — забежал в тридесятое царство, где растёт такой дуб, что корнями в землю врос, а вершина в небе. Взобрался на дуб, обернулся иглой, воткнулся под кору и сидит там.

Прилетела на дуб птица Нагай, нюхом учуяла, что сидит под корой человек, и спрашивает:

— Кто здесь?

— Я, — говорит Синяя свита.

— А чего ты сюда забрался?

— Да вот взялся я от царя-чародея спрятаться, да никак не выходит.

— Хочешь, я тебя спрячу?

— Спрячь, добрая птица. Век благодарить тебя буду.

Птица Нагай обратила его в пушинку, взяла себе под крыло, отнесла в царский дворец и положила спящему царю за пазуху.

Чуть свет царь поднялся, умылся, заглянул в волшебную книгу и говорит:

— Предо мной стоял добрым молодцем, бежал по двору чёрным соболем, лез под воротами белым горностаем, летел по полю серым зайцем, забежал в тридесятое царство. Есть там дуб, что корнями в землю врос, а вершина в небе. Забрался он под кору его и сидит там, обернувшись иголкой.

Велел царь спилить дуб, порубить на дрова и сжечь.

Так слуги и сделали, а Синюто свиту не нашли. Приходят к царю, говорят:

— Нет Синей свиты.

— Как так нету? — удивился царь. — Не может этого быть!

— Нету и всё, — говорят слуги. Вышел царь на крыльцо, начал звать:

— Синяя свита наыворот шита, явись!

— Собери своих генералов, — отвечает Синяя свита, — тогда и явлюсь.

Слышит царь голос Синей свиты, а не знает, откуда идёт он. Крутился он, крутился, всюду заглядывал, а Синяя свита будто водой разлился.

Ну, делать нечего, собрал царь своих генералов. Вышел на крыльцо и опять зовёт:

— Синяя свита, явись!

— Нет, — слышит он голос Синей свиты, — ты сперва отпиши мне при генералах полцарства, тогда и явлюсь. А то ты обманешь — знаю я тебя!

Уж так не хотелось царю, а пришлось отдать полцарства. И только поставил он при генералах на указе царскую свою печатку, как из-за пазухи у него вылетела лёгкая пушинка и обернулась добрым молодцем.

— Вот и я! — говорит Синяя свита. Схватил он тот указ — да себе в карман. Перестал с той поры царь в прятки играть.

Сказка «Пых»

Жили-были дедушка, бабушка да внучка Алёнка. И был у них огород. Росли в огороде капуста, свекóлка, моркóвка и репка жёлтенькая. Захотелось однажды дедушке репки покушать. Вышел он в огород. Идёт-идёт, а в огороде жарко да тихо, только пчёлки жужжат да комарики звенят.

Прошёл дед грядку с капустой, прошёл грядку со свеколкой, прошёл грядку с морковкой... А вот и репка растёт.

Только наклонился, чтоб репку вытащить, а с грядки кто-то как зашипит на него:

— Пшш-ппы-ы-хх! Пшш-ппы-ы-хх! Не ты ли это, дедка? Не за репкой ли пришёл?

Испугался дед и бежать. Бежит мимо морковки, бежит мимо свеколки... Аж пятки сверкают. Еле-еле до хаты добрался. Сел на лавку, отдышаться никак не может.

— Ну что, дед, принёс репку?

— Ох, бабка, там такой зверь страшный сидит, что я еле ноги унёс!

— Да полно, дед! Я сама пойду, уж, верно, репку принесу...

И пошла бабка в огород, а в огороде жарко да тихо, только пчёлки жужжат да комарики звенят.

Шла-шла бабка мимо грядки с капустой, мимо грядки со свеколкой, мимо грядки с морковкой.

Идёт бабка, торопится...

А вот и репка. Нагнулась бабка, чтобы репку вытащить, а из борозды как зашипит на неё кто-то:

— Пшш-ппы-ы-хх! Пшш-ппы-ы-хх! Не ты ли это, бабка? Не по репку ли пришла?

Испугалась бабка да бежать.

Бежала-бежала она мимо морковки, мимо свеколки, бежала мимо капусты. Еле-еле до хатки добралась. Села на лавку, тяжело дышит, отдышаться не может.

— Ой, дедка, твоя правда! Кто-то там под кустом сидит, страшный такой, и пыхтит. Еле-еле ноги унесла!

Поглядела на деда с бабушкой внучка Алёнка, пожалела их и говорит:

— Я принесу репку!

Пошла Алёнка в огород. А в огороде жарко да тихо, только пчёлки жужжат да комарики звенят.

Шла-шла и пришла к тому месту, где репка росла.

И только наклонилась она, чтоб репку вытащить, а с грядки как зашипит кто-то:

— Пшш-ппы-ы-хх! Пшш-ппы-ы-хх! Не Алёнка ли это? Не по репку ли пришла?

Засмеялась тут Алёнка и как крикнет звонким голоском:

— Так! Это я, Алёнка! Бабушке с дедушкой за репкой пришла.

А на грядке кто-то снова как запыхтит:

Пшш-ппы-ы-хх! Пшш-ппы-ы-хх!

Нагнулась Алёнка над грядкой, чтоб разглядеть, кто там такой страшный сидит, и вдруг увидела: лежит на грядке какой-то колючий клубочек, глазками-бусинками поблёскивает и пыхтит:

— Пшш-ппы-ы-хх!

Засмеялась девочка:

— Ах ты, ёжик, ёжик колючий! Это ты дедушку с бабушкой напугал? Это ты их домой прогнал?

А ёжик вытянул кверху острую мордочку и опять:

— Пшш-ппы-ы-хх! Пшш-ппы-ы-хх!

Потянула Алёнушка репку раз, потянула другой и третий и вытянула репку. Да такую большую, круглую да жёлтенькую. Сладкую-пресладкую. Взяла Алёнка репку, ёжика в передничек положила — и домой. Бежала мимо морковки, бежала мимо свеколки, бежала мимо капусты. Быстро-быстро бежала! И мигом к своей хатке прибежала. А навстречу ей дедка с бабкой вышли. И спрашивают:

— А где же репка?

— А вот вам и репка!

Обрадовались тут дедка с бабкой:

— Ну и внучка у нас! Ну и Алёнушка! Молодец девочка! А как же зверь этот — Пых страшный? Не испугалась ли ты его?

Раскрыла тут Алёнка передничек:

— А вот вам и Пых!

Засмеялись старички:

— Ну и молодец Алёнка! Ну и смелая девчонка!

Арабская сказка

«Приключения Синдбада-Морехода. Первое путешествие»

Давно-давно жил в городе Багдаде купец, которого звали Синдбад. У него было много товаров и денег, и его корабли плавали по всем морям. Капитаны кораблей, возвращаясь из путешествий, рассказывали Синдбаду удивительные истории о своих приключениях и о далёких странах, где они побывали.

Синдбад слушал их рассказы, и ему всё больше и больше хотелось своими глазами увидеть чудеса и диковины чужих стран.

И вот он решил поехать в далёкое путешествие.

Он купил много товаров, выбрал самый быстрый и крепкий корабль и пустился в путь. С ним поехали и другие купцы со своими товарами.

Долго плыл их корабль из моря в море и от суши к суше, и, приставая к земле, они продавали и выменивали свои товары.

И вот однажды, когда они уже много дней и ночей не видели земли, матрос на мачте закричал:

— Берег! Берег!

Капитан направил корабль к берегу и бросил якорь у большого зелёного острова. Там росли чудесные, невиданные цветы, а на ветвях тенистых деревьев пели пёстрые птицы.

Путешественники сошли на землю, чтобы отдохнуть от качки. Одни из них развели костёр и стали варить пищу, другие стирали бельё в деревянных корытах, а некоторые гуляли по

острову. Синдбад тоже пошёл погулять и незаметно для себя удалился от берега. Вдруг земля зашевелилась у него под ногами, и он услышал громкий крик капитана:

— Спасайтесь! Бегите на корабль! Это не остров, а огромная рыба!

И в самом деле, это была рыба. Её занесло песком, на ней выросли деревья, и она стала похожа на остров. Но когда путешественники развели огонь, рыбе стало жарко, и она зашевелилась.

— Скорей! Скорей! — кричал капитан. — Сейчас она нырнёт на дно!

Купцы побросали свои котлы и корыта и в ужасе бросились к кораблю. Но только те, что были у самого берега, успели добежать. Рыба-остров опустилась в глубь моря, и все, кто опоздал, пошли ко дну. Ревущие волны сомкнулись над ними.

Синдбад также не успел добежать до корабля. Волны обрушились на него, но он хорошо плавал и вынырнул на поверхность моря. Мимо него плыло большое корыто, в котором купцы только что стирали бельё. Синдбад сел верхом на корыто и попробовал грести ногами. Но волны швыряли корыто направо и налево, и Синдбад не мог им управлять.

Капитан корабля приказал поднять паруса и поплыл прочь от этого места, даже не взглянув на утопавшего.

Синдбад долго смотрел вслед кораблю, а когда корабль скрылся вдали, он заплакал от горя и отчаяния. Теперь ему неоткуда было ждать спасения.

Волны били корыто и бросали его из стороны в сторону весь день и всю ночь. А утром Синдбад вдруг увидел, что его прибило к высокому берегу. Синдбад схватился за ветки дерева, которые свешивались над водой, и, собрав последние силы, вскарабкался на берег. Как только Синдбад почувствовал себя на твёрдой земле, он упал на траву и лежал как мёртвый весь день и всю ночь.

Утром он решил поискать какую-нибудь пищу. Он дошёл до большой зелёной лужайки, покрытой пёстрыми цветами, и вдруг увидел перед собой коня, прекраснее которого нет на свете. Ноги коня были спутаны, и он щипал траву на лужайке.

Синдбад остановился, любуясь этим конём, и спустя немного времени увидел вдали человека, который бежал, размахивая руками, и что-то кричал. Он подбежал к Синдбаду и спросил его:

— Кто ты такой? Откуда ты и как ты попал в нашу страну?

— О господин, — ответил Синдбад, — я чужеземец. Я плыл на корабле по морю, и мой корабль утонул, а мне удалось схватиться за корыто, в котором стирают бельё. Волны до тех пор носили меня по морю, пока не принесли к вашим берегам. Скажи мне, чей это конь, такой красивый, и почему он пасётся здесь один?

— Знай, — отвечал человек, — что я конюх царя аль-Михрджана. Нас много, и каждый из нас ходит только за одним конём. Вечером мы приводим их пастись на этот луг, а утром уводим обратно в конюшню. Наш царь очень любит чужеземцев. Пойдём к нему — он встретит тебя приветливо и окажет тебе милость.

— Благодарю тебя, господин, за твою доброту, — сказал Синдбад.

Конюх надел на коня серебряную уздечку, снял путы и повёл его в город. Синдбад шёл следом за конюхом.

Скоро они пришли во дворец, и Синдбада ввели в зал, где сидел на высоком троне царь аль-Михрджан.

Царь ласково обошёлся с Синдбадом и стал его расспрашивать, и Синдбад рассказал ему обо всём, что с ним случилось. Аль-Михрджан оказал ему милость и назначил его начальником гавани.

С утра до вечера стоял Синдбад на пристани и записывал корабли, которые приходили в гавань. Он долго прожил в стране царя аль-Михрджана, и всякий раз, когда к пристани подходил корабль, Синдбад спрашивал купцов и матросов, в какой стороне город Багдад. Но никто из них ничего не слышал о Багдаде, и Синдбад почти перестал надеяться, что увидит родной город.

А царь аль-Михрджан очень полюбил Синдбада и сделал его своим приближенным. Он часто разговаривал с ним о его стране и, когда объезжал свои владения, всегда брал Синдбада с собой.

Много чудес и диковинок пришлось увидеть Синдбаду в земле царя аль-Михрджана, но он не забыл своей родины и только о том и думал, как бы вернуться в Багдад.

Однажды Синдбад стоял, как всегда, на берегу моря, грустный и печальный. В это время подошёл к пристани большой корабль, на котором было много купцов и матросов. Все жители города выбежали на берег встречать корабль. Матросы стали выгружать товары, а Синдбад стоял и записывал. Под вечер Синдбад спросил капитана:

— Много ли ещё осталось товаров на твоём корабле?

— В трюме лежит ещё несколько тюков, — ответил капитан, — но их владелец утонул. Мы хотим продать эти товары, а деньги за них отвезти его родным в Багдад.

— Как зовут владельца этих товаров? — спросил Синдбад.

— Его зовут Синдбад, — отвечал капитан. Услышав это, Синдбад громко вскрикнул и сказал:

— Я Синдбад! Я сошёл с твоего корабля, когда он пристал к острову-рыбе, а ты уехал и покинул меня, когда я тонул в море. Эти товары — мои товары.

— Ты хочешь меня обмануть! — вскричал капитан. — Я сказал тебе, что у меня на корабле есть товары, владелец которых утонул, и ты желаешь взять их себе! Мы видели, как Синдбад утонул, и с ним утонуло много купцов. Как же ты говоришь, что товары твои? Нет у тебя ни чести, ни совести!

— Выслушай меня, и ты узнаешь, что я говорю правду, — сказал Синдбад. — Разве ты не помнишь, как я нанимал твой корабль в Басре, а свёл меня с тобой писец¹ по имени Сулейман Вислоухий?

И он рассказал капитану обо всём, что случилось на его корабле с того дня, как все они отплыли из Басры. И тогда капитан и купцы узнали Синдбада и обрадовались, что он спасся. Они отдали Синдбаду его товары, и Синдбад продал их с большой прибылью. Он простился с царём аль-Михрджаном, погрузил на корабль другие товары, которых нет в Багдаде, и поплыл на своём корабле в Басру.

Много дней и ночей плыл его корабль и наконец бросил якорь в гавани Басры, а оттуда Синдбад отправился в Город Мира, как называли в то время арабы Багдад.

В Багдаде Синдбад роздал часть своих товаров друзьям и приятелям, а остальные продал.

Он перенёс в пути столько бед и несчастий, что решил никогда больше не выезжать из Багдада.

Так окончилось первое путешествие Синдбада-Морехода.

¹ Писец — это человек, который в старину переписывал тексты от руки.

Корякская сказка

«Хитрая лиса»

Сидит лиса на берегу речки и думает: «Как бы мне рыбки свежей поесть?»

Смотрит лиса, – а по речке бревно плывёт, на бревне две чайки сидят. Спрашивает лиса:

- Что вы, чайки, делаете?
- Рыбу ловим.
- Возьмите меня с собой!
- Прыгай!

Прыгнула лиса. Бревно перевернулось, чайки улетели, а лиса в воду упала.

Понесло лису вниз по речке, вынесло в море. Видит лиса – кругом вода. Говорит она своим лапам:

– Ну-ка, лапы, будьте мне вёслами! А хвосту говорит:

– Ну-ка, хвост, будь рулём!

Вот плывёт лиса, будто в лодке. Лапы как вёсла воду загребают. Хвост как руль поворачивается – туда-сюда, туда-сюда. Только забыла лиса хвосту сказать, чтобы он к берегу правил. Правит он в открытое море.

Плыла лиса, плыла, а берега всё нет. На самую середину моря заплыла. И не знает лиса, куда ей теперь плыть. Тут встретила она тюленя.

Говорит тюлень:

– Куда ты, лиса, заплыла? Заблудилась, верно, у нас в море. Не доплыть теперь тебе до берега.

А лиса говорит:

– Знаю, куда плыву. Хочу посмотреть, есть ли ещё звери в морских водах. Слыхала я, будто вас уж совсем мало в море осталось.

Тюлень отвечает:

– Нет, много ещё зверя в морских водах – и нас, тюленей, и моржей, и китов.

– Будто уж! – говорит лиса.

– Пока сама не увижу, не поверю. Подымайтесь-ка все вы, звери, из морской глубины и ложитесь в ряд на воду до самого берега. А я считать вас буду!

Тут поднялись наверх все тюлени, моржи и киты и легли на воду в ряд до самого берега.

А лиса по их спинам, как по мосту, побежала.

Бежит и считает:

– Один тюлень, два тюленя, три тюленя...

– Один морж, два моржа, три моржа...

– Один кит, два кита, три кита...

Так и добежала лиса до берега. Выскочила на берег и кричит тюленю:

– Правду ты сказал, тюлень: много ещё вас, глупых зверей, в морских водах. Через всё море мост из вас построить можно! Ну, теперь плывите, куда хотите, а я отдыхать буду!

Уплыли морские звери, а лиса шубку с себя сняла и повесила сушить на кустике, а хвост на камень положила – пусть тоже сохнет.

Потом один глаз у себя вынула, на веточку повесила и сказала глазу:

– Ты смотри, чтобы шубы моей не унесли, чтобы хвоста не украли!

И легла лиса спать на солнышке.

А пока лиса спала, прилетели две сороки. Видят сороки – на веточке лисий глаз висит – блестит, во все стороны смотрит.

Понравился сорокам лисий глаз, схватили они его и улетали.

Выспалась лиса, проснулась, шубку надела, хвост прицепила, стала глаз свой искать, а глаза-то и нет.

«Вот, – думает лиса, – какой глупый глаз! Его сторожить повесили, а он и сам себя не устерёг. Придётся мне новый глаз искать».

И пошла лиса в лес. Шла, шла, видит – куст черники растёт. Сорвала лиса самую спелую ягоду и вставила себе вместо глаза.

Смотрит лиса – кругом всё черно стало. Не понравилось лисе. Бросила она черничную ягоду. Дальше пошла. На полянку вышла, а полянка вся от брусники краснеет. Выбрала лиса самую спелую ягоду, вставила вместо глаза. Посмотрела кругом – все красно стало. И брусничную ягоду бросила лиса. Дальше идёт. Видит – лежит на земле льдинка. Подняла её лиса, вставила вместо глаза, а льдинка чистая, ясная – светло кругом стало.

«Вот, – думает лиса, – какой у меня новый глаз хороший, лучше прежнего видно!»

А льдинка нагрелась и стала таять. Потекли у лисы по щеке слёзы.

Идёт лиса, а навстречу ей звери – волки, медведи. Кто лису ни встретит, всякий спросит:

– Что ты, лиса, плачешь? Кто тебя обидел?

А лиса говорит:

– Есть хочу, вот и плачу.

Ну, звери пожалеют лису и дадут ей поесть. А ей того и надо. Теперь лиса всегда досыта наедается. Потому что – хитрая.

Братья Гримм

Сказка «Горшочек каши»

Жила-была одна девочка. Пошла девочка в лес за ягодами и встретила там старушку.

— Здравствуй, девочка, — сказала ей старушка. — Дай мне ягод, пожалуйста.

— На, бабушка, — говорит девочка.

Поела старушка ягод и сказала:

— Ты мне ягод дала, а я тебе тоже что-то подарю. Вот тебе горшочек.

Стоит тебе только сказать:

*Раз, два, три,
Горшочек, вари!*

и он начнет варить вкусную, сладкую кашу. А скажешь ему:

*Раз, два, три,
Больше не вари!*

и он перестанет варить.

— Спасибо, бабушка, — сказала девочка, взяла горшочек и пошла домой, к матери.

Обрадовалась мать этому горшочку. Да и как не радоваться? Без труда и хлопот всегда на обед вкусная, сладкая каша готова.

Вот однажды ушла девочка куда-то из дому, а мать поставила горшочек перед собой и говорит:

*Раз, два, три,
Горшочек, вари!*

Он и начал варить. Много каши наварил. Мать поела, сыта стала. А горшочек всё варит и варит кашу. Как его остановить?

Нужно было сказать:

*Раз, два, три,
Больше не вари!*

да мать забыла эти слова, а девочки дома не было. Горшочек варит и варит. Уж вся комната полна каши, уж и в прихожей каша, и на крыльце каша, и на улице каша, а он всё варит и варит.

Испугалась мать, побежала за девочкой, да не перебраться ей через дорогу — горячая каша рекой течёт.

Хорошо, что девочка недалеко от дома была. Увидала она, что на улице делается, и

бегом побежала домой.

Кое-как взобрáлась на крылечко, открыла дверь и крикнула:

*Раз, два, три,
Больше не вари!*

И перестал горшочек варить кашу. А наварил он её столько, что тот, кому приходилось из деревни в город ехать, должен был себе в каше дорогу проехать.

Только никто на это не жаловался. Очень уж вкусная и сладкая была каша.

Ханс Кристиан Андерсен

Сказка «Дикие лебеди»

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочь, которую звали Элизой. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; у каждого на груди блистала звезда и у левого бока гремела сабля. Принцы писали алмазными грифелями¹ на золотых досках и отлично умели читать — и по книжке, и без книжки, на память. Конечно, так хорошо читать могли только настоящие принцы. Пока принцы учились, сестра их Элиза

сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, которая стоила полкоролевства. Да, хорошо жилось детям! Но скоро всё пошло по-другому.

Умерла их мать, и король женился снова. Мачеха была злая колдунья и невзлюбила бедных детей. В первый же день, когда во дворце праздновали свадьбу короля, дети почувствовали, какая злая у них мачеха. Они затеяли игру «в гости» и попросили королеву дать им пирожных и печёных яблок, чтобы накормить своих гостей. Но мачеха дала им чайную чашку простого песка и сказала:

— Хватит вам и этого!

Прошла ещё неделя, и мачеха задумала избавиться от Элизы. Она отправила её в деревню к каким-то крестьянам на воспитание. А потом злая мачеха стала наговаривать королю на бедных принцев и насаждала столько дурного, что король не хотел больше и видеть своих сыновей.

И вот королева велела позвать принцев, и, когда они приблизились к ней, она крикнула:

¹ **Грифель** — это твёрдая палочка, которой пишут или рисуют. Раньше его делали из особого камня и использовали для письма на специальных досках. Сегодня он спрятан внутри карандаша, и именно он оставляет след на бумаге, когда мы пишем или рисуем.

— Пусть каждый из вас превратится в чёрного ворона! Летите прочь из дворца и сами добывайте себе пропитание!

Но ей не удалось довести до конца своё злое дело. Принцы превратились не в безобразных ворон, а в красивых диких лебедей. С криком вылетели они из окон дворца и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда одиннадцать лебедей пролетали мимо хижины, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они долго летали над крышей, вытягивая свои гибкие шеи и хлопая крыльями, но никто не слышал их и не видел. Так и пришлось им улететь дальше, не повидав своей сестры.

Высоко-высоко, к самым облакам, взвились они и полетели в большой тёмный лес, который тянулся до самого моря.

А бедняжка Элиза осталась жить в крестьянской хижине. Целые дни она играла зелёным листочком — других игрушек у неё не было; она проткнула в листочке дырочку и смотрела сквозь неё на солнце — ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев.

Дни шли за днями. Порой ветер колыхал розовые кусты, распусившиеся возле дома, и спрашивал у роз:

— Есть ли кто-нибудь красивее вас? И розы, качая головками, отвечали:

— Элиза красивее нас.

И вот наконец Элизе минуло пятнадцать лет, и крестьяне отослали её домой во дворец.

Королева увидела, как прекрасна её падчерица, и ещё больше возненавидела Элизу. Злой мачехе хотелось бы превратить Элизу, как и её братьев, в дикого лебедя, но этого она не могла сделать: король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в свою мраморную купальню, всю разубранную чудесными коврами и мягкими подушками. В углу купальни

сидели три жабы. Королева взяла их в руки и поцеловала. Потом она сказала первой жабе:

— Когда Элиза войдёт в купальню, сядь ей на голову — пусть она сделается такой же глупой и ленивой, как ты.

Другой жабе королева сказала:

— А ты прыгни Элизе на лоб — пусть она станет такой же безобразной, как ты. Тогда и родной отец её не узнает... Ну, а ты ляг ей на сердце! — шепнула королева третьей жабе. — Пусть она станет злой, чтобы никто её не любил.

И королева бросила жаб в прозрачную воду. Вода тотчас же стала зелёной и мутной.

Королева позвала Элизу, раздела её и велела войти в воду.

Как только Элиза ступила в воду, одна жаба прыгнула ей на тѣмя¹, другая — на лоб, а третья — на грудь. Но Элиза даже не заметила этого. А три жабы, прикоснувшись к Элизе, превратились в три красных мака. И Элиза вышла из воды такой же красивой, как и вошла.

Тогда злая королева натёрла Элизу соком грецкого ореха, и бедная Элиза стала совсем чёрной. А потом мачеха вымазала ей лицо вонючей мазью и спутала её чудные волосы. Теперь бы никто не смог узнать Элизу. Даже отец, взглянув на неё, испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не узнавал Элизу. Только старая цепная собака с приветливым лаем бросилась к ней, да ласточки, которых она часто кормила крошками, прощепетали ей свою песню. Но кто же станет обращать внимание на бедных животных?

Горько заплакала Элиза и тайком ушла из дворца. Целый день брела она по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не

¹ Тѣмя — это верхняя часть головы, прямо на макушке.

знала, куда ей идти. Она всё думала о братьях, которых злая мачеха тоже выгнала из родного дома. Элиза решила искать их повсюду пока не найдёт.

Когда Элиза добралась до леса, уже настала ночь, и бедная девушка совсем сбилась с дороги. Она опустилась на мягкий мох, а голову положила на пенёк. В лесу было тихо и тепло. Сотни светлячков, в точно зелёные огоньки, мелькали в траве, а когда Элиза задела рукой за кустик, какие-то блестящие жуки посыпались с листьев звёздным дождём.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, вместе играли, писали алмазными грифелями на золотых досках и рассматривали чудесную книжку с картинками, за которую отдано было полкоролевства. Картинки в книжке были живые: птицы распевали, и люди выскакивали со страниц книги и разговаривали с Элизой и её братьями; но, как только Элиза переворачивала страницу, люди прыгали обратно — иначе в картинках вышла бы путаница. Когда Элиза проснулась, солнце стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько разглядеть его за густой листвой деревьев. Только иногда солнечные лучи пробирались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве.

Невдалеке слышалось журчание ручейка. Элиза подошла к ручейку и нагнулась над ним. Вода в ручейке была чистая и прозрачная. Если бы не ветер, шевеливший ветвями деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне ручейка, — так ясно они отражались в спокойной воде. Элиза увидела в воде своё лицо и очень испугалась — такое оно было чёрное и безобразное. Но вот она зачерпнула рукой воды, потёрла глаза и лоб, и лицо у неё опять стало белым, как прежде. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладный, чистый ручей. Вода тотчас же смыла с неё сок грецкого ореха и вонючую мазь, которой натёрла Элизу мачеха.

Потом Элиза оделась, заплела в косы свои длинные волосы и пошла дальше по лесу, сама не зная куда. По дороге она увидела дикую яблоню, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Элиза поела яблок, подпёрла ветви палочками и пошла дальше. Скоро она зашла в самую чащу леса. Ни одна птичка не залетала сюда, ни единый солнечный луч не проникал сквозь перепутанные ветви. Высокие стволы стояли плотными рядами,

точно бревенчатые стены. Кругом было так тихо, что Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшего ей под ноги. Никогда ещё Элиза не бывала в такой глуши.

Ночью стало совсем темно, даже светлячки не светили во мху. Элиза улеглась на траву и заснула.

Рано утром она отправилась дальше и встретила старушку с лукошком, полным ягод. Старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила её, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

– Нет, – сказала старушка, – принцев я не встречала, но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. Элиза простилась со старушкой и пошла по берегу реки.

Долго шла Элиза, и вдруг перед нею открылось безбрежное море. Ни одного паруса не было видно на море, ни одной лодочки не было поблизости.

Элиза села на камень у самого берега и задумалась, что же ей делать, куда идти дальше?

К ногам Элизы подбегали морские волны, они несли с собой мелкие камешки. Вода стёрла края камешков, и они были совсем гладкие и круглые.

И девушка подумала: «Сколько труда нужно, чтобы твёрдый камень сделать гладким и круглым! А вода делает это. Море неустанно и терпеливо катит свои волны и побеждает самые твёрдые камни. Спасибо вам за то, что вы научили меня, светлые быстрые волны! Я буду, как вы, неустанно трудиться. Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесёте меня к моим милым братьям!» На берегу среди сухих водорослей Элиза нашла одиннадцать белых лебединых перьев. На перьях ещё блестели капли — росы или слёз, кто знает? Вокруг было пустынно, но Элиза не

чувствовала себя одинокой. Она смотрела на море и не могла насмотреться.

Вот надвигается на небо большая чёрная туча, ветер крепчает, и море тоже чернеет, волнуется и бурлит. Но туча проходит, по небу плывут розовые облака, ветер стихает, и море уже спокойно, теперь оно похоже на лепесток розы. Иногда становится оно зелёным, иногда белым. Но как бы тихо ни было в воздухе и как бы спокойно ни было море, у берега всегда шумит прибой, всегда заметно лёгкое волнение — вода тихо вздымается, словно грудь спящего ребёнка.

Когда солнце близилось к закату, Элиза увидела диких лебедей. Как длинная белая лента, летели они один за другим. Их было одиннадцать. На голове у каждого лебедя сверкала маленькая золотая корона. Элиза отошла к обрыву и спряталась в кусты. Лебеди спустились неподалёку от неё и захлопали своими большими белыми крыльями.

В эту самую минуту солнце скрылось под водой — и вдруг с лебедей упали их белые перья, и уже не одиннадцать лебедей стояли перед Элизой, а одиннадцать красавцев принцев. Элиза громко вскрикнула — она сразу узнала своих братьев, хотя за эти долгие годы они очень изменились. Элиза бросилась в их объятия и стала называть их всех по именам.

Братья очень обрадовались тому, что нашли сестрицу, которая так выросла и стала такой красивой. Элиза и братья смеялись и плакали, а потом они рассказали друг другу обо всём, что с ними случилось.

Самый старший из принцев сказал Элизе:

— Мы летаем дикими лебедями весь день, от восхода солнца до самого заката. Когда же солнце заходит, мы снова превращаемся в людей. И вот к часу солнечного заката мы спешим опуститься на землю. Если бы

мы превратились в людей в, то время, когда летим высоко над облаками, мы тотчас же упали бы на землю и разбились.

Живём мы не здесь. Далеко-далеко за морем лежит такая же прекрасная страна, как эта. Вот там-то мы и живём. Но дорога туда длинна, надо перелететь через всё море, а по пути нет ни одного острова, где бы мы могли провести ночь. Лишь на самой середине моря высится одинокий утёс. Он так мал, что мы можем стоять на нём, только тесно прижавшись друг к другу. Когда море бушует, брызги волн перелетают через наши головы. Но всё же, если бы не было этого утёса, нам никогда не удалось бы побывать на нашей родной земле: море широко, мы не можем перелететь через него от восхода до заката солнца.

Только два раза в год, в самые длинные дни, наши крылья в силах перенести нас через море. И вот мы прилетаем сюда и живём здесь одиннадцать дней. Мы летаем над этим большим лесом и глядим на дворец, где мы родились и провели детство. Он хорошо виден отсюда. Тут каждый куст и каждое дерево кажутся нам родными. По зелёным лугам бегают дикие лошади, которых мы видели ещё в детстве, а угольщики поют те самые песни, которые мы слышали, когда жили ещё в родном дворце. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! В этот раз мы пробыли здесь уже девять дней. Через два дня мы должны улететь за море, в прекрасную, но чужую страну. Как же нам взять тебя с собою? У нас нет ни корабля, ни лодки.

– О, если бы я могла освободить вас от чар! – сказала братьям Элиза.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только перед самым рассветом. Элиза проснулась от шума лебединых крыльев. Братья опять стали птицами и полетели в родной лес. Только один лебедь остался на берегу с Элизой. Это был самый младший из её братьев. Лебедь положил свою голову ей на колени, и она гладила и перебирала его пёрышки. Целый день провели они вдвоём, а к вечеру прилетели десять лебедей, и, когда солнце село, они вновь превратились в принцев.

– Завтра мы должны улететь и не посмеем вернуться раньше будущего года, – сказал Элизе старший брат, – но мы не покинем тебя

здесь. Полетим с нами! Я один на руках могу пронести тебя через весь лес, так неужели мы все одиннадцать на наших крыльях не сможем перенести тебя через море?

– Да, возьмите меня с собой! – сказала Элиза.

Всю ночь плели они сетку из гибкой ивовой коры и тростника. Сетка вышла большая и прочная, и братья положили в неё Элизу. И вот на восходе солнца десять лебедей подхватили сетку клювами и взвились под облака. Элиза спала в сетке сладким сном. А чтобы лучи солнца не разбудили её, одиннадцатый лебедь летел над её головой, защищая лицо Элизы от солнца своими широкими крыльями.

Лебеди были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, – так странно было ей лететь по воздуху. Возле неё лежала ветка со спелыми ягодами и пучок вкусных корней – их собрал и положил возле Элизы самый младший брат, и Элиза улыбнулась ему – она догадалась, что это он летел над ней и защищал её от солнца своими крыльями.

Высоко, под самыми облаками, летели братья и сестра, и первый корабль, который они увидели в море, показался им плывущей по воде чайкой. Лебеди летели так стремительно, как летят стрелы, пущенные из лука, но всё-таки не так быстро, как всегда: ведь на этот раз они несли сестру.

День стал клониться к вечеру, и зашумела непогода. Элиза со страхом глядела, как солнце опускалось всё ниже и ниже, а одинокого морского утёса всё ещё не было видно. И Элизе показалось, что лебеди уже совсем устали и с трудом машут крыльями. Зайдёт солнце, её братья на лету обратятся в людей, упадут в море и утонут. И она будет этому виной! Приближалась чёрная туча, сильные порывы ветра предвещали бурю, грозно сверкала молния.

Сердце Элизы затрепетало: солнце уже почти касалось воды.

И вдруг лебеди устремились вниз со страшной быстротой. Элизе показалось, что они падают. Но нет, они ещё летели. И вот, когда солнце уже наполовину ушло в воду, Элиза увидела внизу утёс. Он был очень маленький, не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Лебеди ступили на камни утёса в ту самую минуту, когда погас в воздухе последний луч солнца. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; они едва умещались на крошечном утёсе. Море бешено билось о камни и окатывало братьев и Элизу целым дождём брызг. Небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и ободряли друг друга ласковыми словами.

На заре буря улеглась, и опять стало ясно и тихо. Как только взошло солнце, братья с Элизой полетели дальше. Море ещё волновалось, и они видели с высоты, как белая пена плыла, точно миллионы лебедей, по тёмно-зелёной воде. Когда солнце поднялось выше, Элиза вдруг увидела вдали огромный замок, окружённый лёгкими, словно воздушными, галереями; внизу, под стенами замка, колыхались пальмы и росли прекрасные цветы.

Элиза спросила, та ли это страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: это был только призрачный, вечно изменяющийся облачный замок Фата-Морганы. Элиза опять посмотрела вдаль, но замка уже не было. Там, где раньше был замок, поднимались высокие горы, поросшие густым лесом. На самых вершинах гор сверкал снег, глыбы прозрачного льда спускались между неприступными скалами.

Вдруг горы превратились в целую флотилию кораблей; Элиза вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой. Но вот наконец показалась и настоящая земля. Там, на берегу, расстилались зелёные поля, темнели кедровые леса, а вдали виднелись большие города и высокие замки. До заката солнца было ещё далеко, а Элиза уже сидела на скале перед глубокой пещерой. По стенам пещеры вились нежно-зелёные растения, как будто вышитые зелёные ковры. Это был прекрасный дом её братьев-лебедей.

– Посмотрим, что приснится тебе в эту ночь, – сказал младший брат и отвёл Элизу в её опочивальню.

– Ах, если бы я увидела во сне, как освободить вас от чар! – сказала Элиза и закрыла глаза.

И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко к тому замку, который она видела над морем. А из замка навстречу ей выходит фея Фата-Моргана. Фата-Моргана светла и прекрасна, но в то же время удивительно похожа на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

– Твоих братьев можно спасти, – сказала Фата-Моргана, но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук, и всё-таки она делает камни гладкими и круглыми, но вода не чувствует боли, которую будут чувствовать твои пальцы; у воды нет сердца, которое сжимается от страха и муки, как твоё сердце. Видишь, у меня в руках крапива. Такая же крапива растёт здесь возле пещеры, и только она да ещё та крапива, которая растёт на кладбище, может тебе пригодиться. Запомни же это! Нарви крапивы, хотя руки твои

покроются волдырями от ожогов; потом разомни её ногами и свей из неё длинные нити. Из этих нитей сплети одиннадцать рубашек с длинными рукавами и, когда они будут готовы, набрось их на лебедей. Чуть только рубашки коснутся их перьев, колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнёшь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь её, ты не должна говорить ни слова, хотя бы работа твоя длилась целые годы. Первое же слово, которое сорвётся у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть в твоих руках! Помни же всё это!

И Фата-Моргана коснулась руки Элизы жгучей крапивой. Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день. У самой постели Элизы лежало несколько стеблей крапивы, точь-в-точь как

та, которую она видела во сне. Тогда Элиза вышла из пещеры и принялась за работу.

Своими нежными руками рвала́ она злую, жгучую крапиву, и пальцы её покрывались большими волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы спасти милых братьев! Она нарвала́ целую охапку крапивы, потом размяла её голыми ногами и стала вить длинные зелёные нити.

Когда зашло солнце, в пещеру прилетели братья. Они стали расспрашивать сестру о том, что она делала, пока их не было. Но Элиза не ответила им ни слова. Братья очень испугались, увидя, что сестра их стала немой.

«Это новое колдовство злой мачехи», — подумали они, но, взглянув на руки Элизы, покрытые волдырями, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слёзы его капали ей на руки, и там, куда падала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; об отдыхе она и не думала — она думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинёшенька, но никогда ещё время не шло так быстро. Вот уже одна рубашка была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах слышались звуки охотничьих рогов. Элиза испугалась. Звуки всё приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную крапиву в пучок и села возле него. В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья. Собаки громко лаяли и бегали взад и вперёд. Скоро у пещеры собрались все охотники. Самый красивый из них был король той страны; он подошёл к Элизе. Никогда ещё не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой

– она ведь не смела говорить: если бы она сказала хотя бы одно слово, её братья погибли бы.

Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел волдырей и царапин.

– Пойдём со мной! – сказал король. – Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так же добра, как и хороша, я наряжу тебя в шёлк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в великолепном дворце.

И он посадил её на седло перед собой.

Элиза горько плакала, но король сказал:

– Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня.

И он повёз её в горы, а охотники скакали следом.

К вечеру перед ними показалась великолепная столица короля, с дворцами и башнями, и король ввёл Элизу в свой дворец. В высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были расписаны красивыми картинами. Но Элиза ни на что не смотрела, она плакала и тосковала. Служанки надели на неё королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на её обожжённые пальцы тонкие перчатки.

В богатых уборах Элиза была так прекрасна, что весь двор преклонился, перед ней, а король провозгласил её своей невестой. Но королевский епископ покачал головой и стал нащёптывать королю, что немая красавица, должно быть, лесная колдунья – она околдовала сердце короля.

Король не стал его слушать, он подал знак музыкантам, велел позвать лучших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повёл Элизу через благоухающие сады в великолепные покои. Но Элиза по-прежнему была грустной и печальной.

Тогда король открыл дверцу в маленькую комнату возле спальни Элизы. Комната вся была увешана зелёными коврами и напоминала

лесную пещеру, где король нашёл Элизу. На полу лежала связка крапивы, а на стене висела сплетённая Элизой рубашка. Всё это, как диковинку, захватил с собой из лесу один из охотников.

– Тут ты можешь вспоминать своё прежнее жилище, – сказал король. – А вот и твоя работа. Может быть, ты пожелаешь иногда развлечься среди окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом.

Увидев свою крапиву и сплетённую рубашку, Элиза радостно улыбнулась и поцеловала руку короля, а он прижал её к своей груди.

Епископ продолжал нащёптывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля. На другой день сыграли свадьбу. Епископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но Элиза даже не заметила этого. Она всё думала о своих милых братьях. Губы её по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетало из них, зато в её глазах светилась горячая любовь к доброму, красивому королю, который делал всё, чтобы только порадовать её. С каждым днём она привязывалась к нему всё больше и больше. О, если бы она могла рассказать о своих страданиях! Но она должна была молчать, пока не окончит своей работы.

По ночам она тихонько уходила в свою потайную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку за другой. Уже шесть рубашек были готовы, но когда она принялась за седьмую, то увидела, что крапивы у неё больше нет.

Элиза знала, что может найти такую крапиву на кладбище. И вот ночью она потихоньку вышла из дворца.

Сердце её сжималось от страха, когда она пробиралась лунной ночью на кладбище по длинным аллеям сада, а потом по пустынным улицам.

На кладбище Элиза нарвала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел Элизу. Это был епископ.

Утром епископ пришёл к королю и рассказал ему о том, что он видел ночью.

– Прогони её, король, она злая колдунья! – нащёптывал епископ.

– Неправда, Элиза невиновна! – ответил король, но всё же сомнение закралось в его сердце.

Ночью король только притворился, что спит. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни. В следующие ночи повторилось то же самое: король не спал и видел, как она исчезала в своей потайной комнатке.

Король становился всё мрачнее и мрачнее. Элиза видела это, но не понимала, чем недоволен король. Сердце её ныло от страха и от жалости к братьям; на её королевское платье катились горькие слёзы, блестевшие как алмазы, а люди, видевшие её богатые уборы, завидовали ей. Но скоро, скоро конец её работе. Уже десять рубашек было готово, но на одиннадцатую опять не хватило крапивы. Ещё раз, последний раз, нужно было пойти на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Она с ужасом подумала о пустынном кладбище и всё-таки решилась идти туда.

Ночью Элиза вышла тайком из дворца, но король и епископ следили за ней, и они увидели, как Элиза скрылась за кладбищенской оградой. Что могла делать королева ночью на кладбище?..

– Теперь ты сам видишь, что она злая колдунья,
– сказал епископ и потребовал, чтобы Элизу сожгли на костре.

И король должен был согласиться.

Элизу посадили в тёмное, сырое подземелье с железными решётками на окнах, в которые со свистом врывался ветер. Ей бросили охапку крапивы, которую она нарвала на кладбище. Эта жгучая крапива должна была служить Элизе изголовьем, а сплетённые ею жёсткие рубашки – постелью. Но ничего другого Элизе и не надо было. Она снова принялась за работу. Вечером у решётки раздался шум лебединых крыльев. Это самый младший из братьев отыскал свою сестру, и Элиза громко зарыдала от радости, хотя и знала, что

ей осталось жить всего одну ночь. Зато работа её подходила к концу, и братья были тут!

Всю ночь плела Элиза последнюю рубашку. Мыши, бегавшие по подземелью, сжалились над ней и, чтобы хоть немножко помочь ей, стали собирать и приносить к её ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решётчатым окном, утешал её своей песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, к дворцовым воротам пришли одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им ответили, что это невозможно: король ещё спал и никто не смел его беспокоить. Но они не уходили и продолжали просить. Король услышал чьи-то голоса и выглянул в окно, чтобы узнать, в чём дело. Но в эту минуту взошло солнце, и братья Элизы исчезли.

Король увидел только, как взвились в небо одиннадцать диких лебедей.

Народ толпами шёл за город посмотреть на казнь королевы. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на Элизу надели рубаху из грубого холста; её чудные длинные волосы были распущены по плечам, а лицо её было бледным, как снег. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук своей работы: десять рубашек лежали у её ног совсем готовые, одиннадцатую она продолжала плести.

– Посмотрите на ведьму! – кричали в толпе. – Она не расстанется со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у неё да разорвём в клочки!

Чьи-то руки уже протянулись к телеге, чтобы вырвать у Элизы зелёную рубашку, но вдруг прилетели одиннадцать лебедей. Они сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганный народ расступился в стороны.

– Белые лебеди слетели с неба! Она невиновна! – шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

И вот палач уже схватил Элизу за руку, но она быстро набросила на лебедей зелёные рубашки, и, чуть только рубашки коснулись их перьев, все одиннадцать лебедей обратились в красавцев принцев.

Лишь у самого младшего вместо левой руки осталось лебединое крыло: Элиза не успела доплести рукав на последней рубашке.

– Теперь я могу говорить! – сказала Элиза. – Я невиновна!

И народ, видевший всё, что произошло, преклонился перед ней и стал прославлять её, но Элиза без чувств упала в объятия братьев. Она была измучена страхом и болью.

– Да, она невиновна, – сказал самый старший принц и рассказал всё, как было.

А пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, словно от миллионов роз: это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и вот на том месте, где хотели сжечь Элизу, вырос высокий зелёный куст, покрытый красными розами. А на самой верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок.

Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она очнулась.

Тут все колокола в городе зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое счастливое шествие, какого не видывал ещё ни один король!

Шарль Перро

Сказка «Золушка, или хрустальная туфелька»

Жил-был один почтенный и знатный человек. Первая жена его умерла, и он женился во второй раз, да на такой сварливой и высокомерной женщине, какой свет ещё не видывал.

У неё были две дочери, очень похожие на свою матушку и лицом, и умом, и характером.

У мужа тоже была дочка, добрая, приветливая, милая – вся в покойную мать. А мать её была женщина самая красивая и добрая.

И вот новая хозяйка вошла в дом. Тут-то и показала она свой нрав. Всё было ей не по вкусу, но больше всего невзлюбила она свою падчерицу. Девушка была так хороша, что мачехины дочери рядом с нею казались ещё хуже.

Бедную падчерицу заставляли делать всю самую грязную и тяжёлую работу в доме: она чистила котлы и кастрюли, мыла лестницы, убирала комнаты мачехи и обеих барышень – своих сестриц.

Спала она на чердаке, под самой крышей, на колючей соломенной подстилке. А у обеих сестриц были комнаты с паркетными полами цветного дерева, с кроватями, разубранными по последней моде, и с большими зеркалами, в которых можно было увидеть себя с головы до ног.

Бедная девушка молча сносила все обиды и не решалась пожаловаться даже отцу. Мачеха так прибрала его к рукам, что он теперь на всё смотрел её глазами и, наверно, только побранил бы дочку за неблагодарность и непослушание.

Вечером, окончив работу, она забиралась в уголок возле камина и сидела там на ящике с золой. Поэтому сёстры, а за ними и все в доме прозвали её Золушкой.

А всё-таки Золушка в своём стареньком платьице, перепачканном золою, была во сто раз милее, чем её сестрицы, разодетые в бархат и шёлк.

И вот как-то раз сын короля той страны устроил большой бал и созвал на него всех знатных людей с жёнами и дочерьми.

Золушкины сёстры тоже получили приглашение на бал. Они очень обрадовались и сейчас же принялись выбирать наряды и придумывать, как бы причесаться, чтобы удивить всех гостей и понравиться принцу.

У бедной Золушки работы и заботы стало ещё больше, чем всегда. Ей пришлось гладить сёстрам платья, крахмалить их юбки, плóить¹ воротники и оборки.

В доме только и разговору было, что о нарядах.

— Я, — говорила старшая, — надену красное бархатное платье и драгоценный убор, который мне привезли из-за моря.

— А я, — говорила младшая, — надену самое скромное платье, но зато у меня будет накидка, расшитая золотыми цветами, и бриллиантовый пояс, какого нет ни у одной знатной дамы.

Послали за искуснейшей модисткой, чтобы она соорудила им чепчики с двойной оборкой, а мýшки² купили у самой лучшей мастерицы в городе.

Сёстры то и дело подзывали Золушку и спрашивали у неё, какой выбрать гребень, ленту или пряжку. Они знали, что Золушка лучше понимает, что красиво и что некрасиво.

Никто не умел так искусно, как она, приколоть кружева или завить локоны.

— А что, Золушка, хотелось бы тебе поехать на королевский бал? — спрашивали сёстры, пока она причёсывала их перед зеркалом.

— Ах, что вы, сестрицы! Вы смеётесь надо мной! Разве меня пустят во дворец в этом платье и в этих башмаках!

¹ **Плóить** — делать на чем-нибудь (на накрахмаленной ткани) ровные складки, располагать складками при помощи особых щипцов, гофрировать.

² **Мýшка** — искусственная родинка, наклеиваемая на кожу или на вуаль.

— Что правда, то правда. Вот была бы умора, если бы такая замарашка явилась на бал!

Другая на месте Золушки причесала бы сестриц как можно хуже. Но Золушка была добра: она причесала их как можно лучше.

За два дня до бала сестрицы от волнения перестали обедать и ужинать. Они ни на минуту не отходили от зеркала и разорвали больше дёжины¹ шнурков, пытаясь потуже затянуть свои талии и сделаться потоньше и постройнее.

И вот наконец долгожданный день настал. Мачеха и сёстры уехали.

Золушка долго смотрела им вслед, а когда их карета исчезла за поворотом, она закрыла лицо руками и горько заплакала.

Её крёстная, которая как раз в это время зашла навестить бедную девушку, застала её в слезах.

— Что с тобой, дитя моё? — спросила она. Но Золушка так горько плакала, что даже не могла ответить.

— Тебе хотелось бы поехать на бал, не правда ли? — спросила крёстная.

Она была фея — волшебница — и слышала не только то, что говорят, но и то, что думают.

— Правда, — сказала Золушка, всхлипывая.

— Что ж, будь только умницей, — сказала фея, — а уж я позабочусь о том, чтобы ты могла побывать сегодня во дворце. Сбегай-ка на огород да принеси мне оттуда большую тыкву!

Золушка побежала на огород, выбрала самую большую тыкву и принесла крёстной. Ей очень хотелось спросить, каким образом простая тыква поможет ей попасть на королевский бал, но она не решилась.

А фея, не говоря ни слова, разрежала тыкву и вынула из неё всю мякоть.

¹ **Дёжина** — мера поштучного счёта однородных предметов, преимущественно в торговле, равная 12.

Потом она прикоснулась к её жёлтой толстой корке своей волшебной палочкой, и пустая тыква сразу превратилась в прекрасную резную карету, позолоченную от крыши до колёс.

Затем фея послала Золушку в кладовую за мышеловкой. В мышеловке оказалось полдюжины живых мышей.

Фея велела Золушке приоткрыть дверцу и выпустить на волю всех мышей по очереди, одну за другой. Едва только мышь выбегала из своей темницы, фея прикасалась к ней палочкой, и от этого прикосновения обыкновенная серая мышка сейчас же превращалась в серого, мышастого коня.

Не прошло и минуты, как перед Золушкой уже стояла великолепная упряжка из шести статных коней в серебряной сбруе.

Не хватало только кучера.

Заметив, что фея призадумалась, Золушка робко спросила:

— Что, если посмотреть, не попалась ли в крысоловку крыса? Может быть, она годится в кучера?

— Твоя правда, — сказала волшебница. — Поди посмотри.

Золушка принесла крысоловку, из которой выглядывали три большие крысы.

Фея выбрала одну из них, самую крупную и усатую, дотронулась до неё своей палочкой, и крыса сейчас же превратилась в толстого кучера с пышными усами, — таким усам позавидовал бы даже главный королевский кучер.

— А теперь, — сказала фея, — ступай в сад. Там за лейкой, на куче песка, ты найдёшь шесть ящериц. Принеси-ка их сюда.

Не успела Золушка вытряхнуть ящериц из фартука, как фея превратила их в выездных лакеев, одетых в зелёные ливреи¹, украшенные золотым галуном².

¹ **Ливрёя** — одежда особого покроя и определённого цвета для кучеров и иных слуг.

² **Галун** — это красивая блестящая тесьма (золотая или серебряная лента на плечах или рукавах), которую пришивают к форменной одежде, например, к военному мундиру, чтобы он выглядел нарядно и показывал звание человека.

Все шестеро проворно вскочили на запятки кареты с таким важным видом, словно всю свою жизнь служили выездными лакеями и никогда не были ящерицами...

— Ну вот, — сказала фея, — теперь у тебя есть свой выезд, и ты можешь, не теряя времени, ехать во дворец. Что, довольна ты?

— Очень! — сказала Золушка. — Но разве можно ехать на королевский бал в этом старом, испачканном золой платье?

Фея ничего не ответила. Она только слегка прикоснулась к Золушкиному платью своей волшебной палочкой, и старое платье превратилось в чудесный наряд из серебряной и золотой парчи, весь усыпанный драгоценными камнями.

Последним подарком феи были туфельки из чистейшего хрусталя, какие и не снились ни одной девушке.

Когда Золушка была уже совсем готова, фея усадила её в карету и строго-настрого приказала возвратиться домой до полуночи³.

— Если ты опоздаешь хоть на одну минутку, — сказала она. — твоя карета снова сделается тыквой, лошади — мышами, лакеи — ящерицами, а твой пышный наряд опять превратится в старенькое, залатанное платьице.

— Не беспокойтесь, я не опоздаю! — ответила Золушка и, не помня себя от радости, отправилась во дворец.

Принц, которому доложили, что на бал приехала прекрасная, но никому не известная принцесса, сам выбежал встречать её. Он подал ей руку, помог выйти из кареты и повёл в зал, где уже находились король с королевой и придворные.

Все сразу стихло. Скрипки замолкли. И музыканты, и гости невольно загляделись на незнакомую красавицу, которая приехала на бал позже всех.

«Ах, как она хороша!» — говорили шёпотом кавалер кавалеру и дама даме.

³ **Полуночь** — время около 12 часов ночи.

Даже король, который был очень стар и больше дремал, чем смотрел по сторонам, и тот открыл глаза, поглядел на Золушку и сказал королеве вполголоса, что давно уже не видел такой обворожительной особы.

Придворные дамы были заняты только тем, что рассматривали её платье и головной убор, чтобы завтра же заказать себе что-нибудь похожее, если только им удастся найти таких же искусных мастеров и такую же прекрасную ткань.

Принц усадил свою гостью на самое почётное место, а чуть только заиграла музыка, подошёл к ней и пригласил на танец.

Она танцевала так легко и грациозно, что все залюбовались ею ещё больше, чем прежде.

После танцев разносили угощение. Но принц ничего не мог есть — он не сводил глаз со своей дамы. А Золушка в это время разыскала своих сестёр, под села к ним и, сказав каждой несколько приятных слов, угостила их апельсинами и лимонами, которые поднёс ей сам принц.

Это им очень польстило. Они и не ожидали такого внимания со стороны незнакомой принцессы.

Но вот, беседуя с ними, Золушка вдруг услышала, что дворцовые часы бьют одиннадцать часов и три четверти. Она встала, поклонилась всем и пошла к выходу так быстро, что никто не успел догнать её.

Вернувшись из дворца, она ещё сумела до приезда мачехи и сестёр забежать к волшебнице и поблагодарить её за счастливый вечер.

— Ах, если бы можно было и завтра поехать во дворец! — сказала она. — Принц так просил меня...

И она рассказала крёстной обо всем, что было во дворце.

Едва только Золушка переступила порог и надела свой старый передник и деревянные башмаки, как в дверь постучали. Это вернулись с бала мачеха и сёстры.

— Долго же вы, сестрицы, гостили нынче во дворце! — сказала Золушка, зевая и потягиваясь, словно только что проснулась.

— Ну, если бы ты была с нами на балу, ты бы тоже не стала торопиться домой, — сказала одна из сестёр. — Там была одна принцесса, такая красавица, что и во сне лучше не увидишь! Мы ей, должно быть, очень понравились. Она под села к нам и даже угостила апельсинами и лимонами.

— А как её зовут? — спросила Золушка.

— Ну, этого никто не знает... — сказала старшая сестрица.

А младшая прибавила:

— Принц, кажется, готов отдать полжизни, чтобы только узнать, кто она такая. Золушка улыбнулась.

— Неужели эта принцесса и вправду так хороша? — спросила она. — Какие вы счастливые!.. Нельзя ли и мне хоть одним глазком посмотреть на неё? Ах, сестрица Жавотта, дайте мне на один вечер ваше жёлтое платье, которое вы носите дома каждый день!

— Этого только не хватало! — сказала Жавотта, пожимая плечами. Дать своё платье такой замарашке, как ты! Кажется, я ещё не сошла с ума.

Золушка не ждала другого ответа и нисколько не огорчилась. В самом деле: что бы стала она делать, если бы Жавотта вдруг расщедрилась и вздумала одолжить ей своё платье!

На другой вечер сёстры опять отправились во дворец — и Золушка тоже... На этот раз она была ещё прекраснее и наряднее, чем накануне.

Принц не отходил от неё ни на минуту. Он был так приветлив, говорил такие приятные вещи, что Золушка забыла обо

всём на свете, даже о том, что ей надо уехать вовремя, и спохватилась только тогда, когда часы стали бить полночь.

Она поднялась с места и убежала быстрее лани¹.

Принц бросился за ней, но её и след простыл. Только на ступеньке лестницы лежала маленькая хрустальная туфелька.

Принц бережно поднял её и приказал расспросить привратников, не видел ли кто-нибудь из них, куда уехала прекрасная принцесса. Но никто никакой принцессы не видал. Правда, привратники заметили, что

¹ **Лань** — это красивое лесное животное, похожее на оленя, с тонкими ножками и пятнистой шёрсткой.

мимо них пробежала какая-то бедно одетая девушка, но она скорее была похожа на нищенку, чем на принцессу.

Тем временем Золушка, задыхаясь от усталости, прибежала домой. У неё не было больше ни кареты, ни лакеев. Её бальный наряд снова превратился в старенькое, поношенное платье, и от всего её великолепия только и осталось, что маленькая хрустальная туфелька, точно такая же, как та, которую она потеряла на дворцовой лестнице.

Когда обе сестрицы вернулись домой, Золушка спросила у них, весело ли им было нынче на балу и приезжала ли опять во дворец вчерашняя красавица.

Сёстры наперебой стали рассказывать, что принцесса и на этот раз была на балу, но убежала, чуть только часы начали бить двенадцать.

— Она так торопилась, что даже потеряла свой хрустальный башмачок, — сказала старшая сестрица.

— А принц поднял его и до конца бала не выпускал из рук, — сказала младшая.

— Должно быть, он по уши влюблен в эту красавицу, которая теряет на балах башмаки, — добавила мачеха.

И это была правда. Через несколько дней принц приказал объявить во всеуслышание, под звуки труб и фанфар, что девушка, которой придётся впору хрустальная туфелька, станет его женой.

Разумеется, сначала туфельку стали мерить принцессам, потом герцогиням, потом придворным дамам, но всё было напрасно: она была тесна и герцогиням, и принцессам, и придворным дамам.

Наконец очередь дошла и до сестёр Золушки.

Ах, как старались обе сестрицы натянуть маленькую туфельку на свои большие ноги! Но она не лезла им даже на кончики пальцев. Золушка, которая с первого взгляда узнала свою туфельку, улыбаясь, смотрела на эти напрасные попытки.

— А ведь она, кажется, будет впору мне, — сказала Золушка.

Сестрицы так и залились злым смехом. Но придворный кавалер, который примерял туфельку, внимательно посмотрел на Золушку и, заметив, что она очень красива, сказал:

— Я получил приказание от принца примерить туфельку всем девушкам в городе. Позвольте вашу ножку, сударыня!

Он усадил Золушку в кресло и, надев хрустальную туфельку на её маленькую ножку, сразу увидел, что больше примерять ему не придётся: башмачок был точь-в-точь по ножке, а ножка — по башмачку.

Сёстры замерли от удивления. Но ещё больше удивились они, когда Золушка достала из кармана вторую хрустальную туфельку — совсем такую же, как первая, только на другую ногу — и надела, не говоря ни слова. В эту самую минуту дверь отворилась, и в комнату вошла фея — Золушкина крёстная.

Она дотронулась своей волшебной палочкой до бедного платья Золушки, и оно стало ещё пышнее и красивее, чем было накануне на балу.

Тут только обе сестрицы поняли, кто была та красавица, которую они видели во дворце. Они кинулись к ногам Золушки, чтобы вымолить себе прощение за все обиды, которые она вытерпела от них. Золушка простила сестёр от всего сердца — ведь она была не только хороша собой, но и добра.

Её отвезли во дворец к молодому принцу, который нашёл, что она стала ещё прелестнее, чем была прежде.

А через несколько дней сыграли весёлую свадьбу.

Сказка «Кот в сапогах»

Было у мельника три сына, и оставил он им, умирая, всего только мельницу, осла и кота.

Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса¹ и судьи, которые бы живо проглотили всё их небогатое наследство.

Старшему досталась мельница. Среднему осёл. Ну а уж младшему пришлось взять себе кота.

Бедняга долго не мог утешиться, получив такую жалкую долю наследства.

Братья, говорил он, – могут честно зарабатывать себе на хлеб, если только будут держаться вместе. А что станет со мною после того, как я съем своего кота и сделаю из его шкурки мýфту²? Прямо хоть с голоду помирай!

Кот слышал эти слова, но и виду не подал, а сказал спокойно и рассудительно:

– Не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок да закажите пару сапог, чтобы было легче бродить по кустарникам, и вы сами увидите, что вас не так уж обидели, как это вам сейчас кажется.

Хозяин кота и сам не знал, верить этому или нет, но он хорошо помнил, на какие хитрости пускался кот, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мёртвым, то повиснув на задних лапах, то зарывшись чуть ли не с головой в муку. Кто его знает, а вдруг и в самом деле он чем-нибудь поможет в беде!

Едва только кот получил всё, что ему было надобно, он живо обулся, молодецки притопнул, перекинул через плечо мешок и, придерживая его

¹ **Нотариус** – должностное лицо, в обязанности которого входит совершение нотариальных действий (составление и подписание различных деловых бумаг, документов).

² **Мýфта** – предмет одежды для согревания кистей рук в виде короткого и широкого открытого с двух сторон тёплого мягкого рукава.

за шнурки передними лапами, зашагал в заповедный лес, где водилось множество кроликов. А в мешке у него были *отруби*¹ и заячья капуста.

Растянувшись на траве и притворившись мёртвым, он стал поджидать, когда какой-нибудь неопытный кролик, ещё не успевший испытать на собственной шкуре, как зол и коварен свет, заберётся в мешок, чтобы полакомиться припасённым для него угощением.

Долго ждать ему не пришлось: какой-то молоденький доверчивый простачок кролик сразу же прыгнул к нему в мешок.

Недолго думая, дядюшка-кот затянул шнурки и покончил с кроликом безо всякого милосердия.

После этого, гордый своей добычей, он отправился прямо во дворец и попросил приёма у короля. Его ввели в королевские покои. Он отвесил его величеству почтительный поклон и сказал:

– Государь, вот кролик из лесов маркиза² де Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок.

– Поблагодари своего господина, – ответил король, – и скажи ему, что он доставил мне большое удовольствие.

Несколько дней спустя кот пошёл на поле и там, спрятавшись среди колосьев, опять открыл свой мешок.

¹ **Отруби** – остатки от оболочки зерна после размола.

² **Маркиз** – в некоторых странах Западной Европы: дворянский титул, средний между графом и герцогом, а также лицо, носящее этот титул.

На этот раз к нему в ловушку попались две куропатки. Он живо затянул шнуры и понёс обеих королю.

Король охотно принял и этот подарок и приказал дать коту на чай.

Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом.

И вот как-то раз узнал кот, что король вместе со своей дочкой, самой прекрасной принцессой на свете, собирается совершить прогулку в карете по берегу реки.

Согласны вы послушаться моего совета? – спросил он своего хозяина. – В таком случае счастье у нас в руках. Всё, что от вас требуется, это пойти купаться на реку, туда, куда я вам укажу. Остальное предоставьте мне.

Маркиз де Карабас послушно исполнил всё, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно. В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки.

Кот со всех ног бросился и закричал, что было мочи:

– Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Король услышал этот крик, приоткрыл дверцу кареты и, узнав кота, который столько раз приносил ему в подарок дичь, сейчас же послал свою стражу выручать маркиза де Карабаса.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот успел рассказать королю, что у господина во время купания воры украли всё до нитки. (А на самом деле хитрец собственными лапами припрятал хозяйское платье под большим камнем.)

Король немедленно приказал своим придворным принести для маркиза де Карабаса один из лучших нарядов королевского гардероба.

Наряд оказался и в пору, и к лицу, а так как маркиз и без того был малый хоть куда – красивый и статный, то, приодевшись, он, конечно, стал

ещё лучше, и королевская дочка, поглядев на него, нашла, что он как раз в её вкусе.

Когда же маркиз де Карабас бросил в её сторону два-три взгляда, очень почтительных и в то же время нежных, она влюбилась в него без памяти.

Отцу её молодой маркиз тоже пришёлся по сердцу. Король был с ним очень ласков и даже пригласил сесть в карету и принять участие в прогулке.

Кот был в восторге оттого, что всё идёт как по маслу, и весело побежал перед каретой.

По пути он увидел крестьян, косивших на лугу сено.

– Эй, люди добрые, – крикнул он на бегу, – если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу де Карабасу, вас всех изрубят в куски, словно начинку для пирога! Так и знайте!

Тут как раз подъехала королевская карета, и король спросил, выглянув из окна:

– Чей это луг вы косите?

– Маркиза де Карабаса! – в один голос отвечали косцы, потому что кот до смерти напугал их своими угрозами.

– Однако, маркиз, у вас тут славное имение! – сказал король.

– Да, государь, этот луг каждый год даёт отличное сено, – скромно ответил маркиз.

Между тем дядюшка-кот бежал всё вперёд и вперёд, пока не увидел по дороге жнецов, работающих на поле.

– Эй, люди добрые, – крикнул он, – если вы не скажете королю, что все эти хлеба принадлежат маркизу де Карабасу, так и знайте: всех вас изрубят в куски, словно начинку для пирога!

Через минуту к жнецам подъехал король и захотел узнать, чьи поля они жнут.

– Поля маркиза де Карабаса, – ответили жнецы. И король опять порадовался за господина маркиза. А кот всё бежал вперёд и всем, кто

попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: «Это дом маркиза де Карабаса», «это мельница маркиза де Карабаса», «это сад маркиза де Карабаса». Король не мог надивиться богатству молодого маркиза.

И вот, наконец, кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великан-людоед. Никто на свете никогда не видел великана богаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении.

Кот заранее разузнал, что это был за великан, в чём его сила, и попросил допустить его к хозяину. Он, дескать, не может и не хочет пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

– Меня уверяли, – сказал кот, – что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться во льва или слона...

– Могу! – рявкнул великан. – И чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом! Смотри!

Кот до того испугался, увидев перед собой льва, что в одно мгновение взобрался по водосточной трубе на крышу, хотя это было трудно и даже опасно, потому что в сапогах не так-то просто ходить по черепице¹.

Только когда великан опять принял свой прежний облик, кот спустился с крыши и признался хозяину, что едва не умер со страху.

А ещё меня уверяли, – сказал он, – но уж этому-то я никак не могу поверить, что вы будто бы умеете превращаться даже в самых мелких животных. Ну, например, сделаться крысой или даже мышкой. Должен сказать по правде, что считаю это совершенно невозможным.

– Ах, вот как! Невозможным? – переспросил великан. – А ну-ка, погляди!

¹ Черепица – покрытие кровли (крыши) в виде пластинок из обожжённой глины.

И в то же мгновение превратился в мышь. Мышка проворно забегала по полу, но кот погнался за ней и разом проглотил.

Тем временем король, проезжая мимо, заметил по пути прекрасный замок и пожелал войти туда.

Кот услышал, как гремят на подъёмном мосту колёса королевской кареты, и, выбежав навстречу, сказал королю:

– Добро пожаловать в замок маркиза де Карабаса, ваше величество! Милости просим!

– Как, господин маркиз?! – воскликнул король. – Этот замок тоже ваш? Нельзя себе представить ничего красивее, чем этот двор и постройки вокруг. Да это прямо дворец! Давайте же посмотрим, каков он внутри, если вы не возражаете.

Маркиз подал руку прекрасной принцессе и повёл её вслед за королём, который, как полагается, шёл впереди.

Все втроём они вошли в большой зал, где был приготовлен великолепный ужин.

Как раз в этот день людоед пригласил к себе друзей, но они не посмели явиться, узнав, что в замке гостит король.

Король был очарован достоинствами господина маркиза де Карабаса почти так же, как его дочка, которая была от маркиза просто без ума.

Кроме того, его величество не мог, конечно, не оценить прекрасных владений маркиза и сказал:

– Если хотите стать моим зятем, господин маркиз, это зависит только от вас. А я согласен.

Маркиз почтительным поклоном поблагодарил короля за честь, оказанную ему, и в тот же день женился на принцессе.

А кот стал знатным вельможей и с тех пор охотился на мышей только изредка – для собственного удовольствия.

Дмитрий Мамин-Сибиряк

(Из сборника «Алёнушкины сказки»)

Присказка

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает.

Спи, Алёнушка, спи, красавица, а папа будет рассказывать сказки. Кажется, все тут: и сибирский кот Васька, и лохматый деревенский пёс Постойко, и серая Мышка-норушка, и Сверчок за печкой, и пёстрый Скворец в клетке, и забияка Петух.

Спи, Алёнушка, сейчас сказка начинается.

Вон уже в окно смотрит высокий месяц; вон косо́й заяц проковылял на своих валенках; волчьи глаза засветились жёлтыми огоньками; медведь Мишка сосёт свою лапу. Подлетел к самому окну старый Воробей, стучит носом о стекло и спрашивает: скоро ли? Все тут, все в сборе, и все ждут Алёнушкиной сказки.

Один глазок у Алёнушки спит, другой — смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое — слушает.

Баю-баю-баю...

Сказка про храброго Зайца-длинные уши, косые глаза, короткий хвост

Родился зайчик в лесу и всё боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнёт птица, упадёт с дерева ком снега, — у зайчика ду́ша в пятки¹.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год; а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

¹ Ду́ша в пятки — очень испугаться.

– Никого я не боюсь! – крикнул он на весь лес. – Вот не боюсь нисколько, и всё тут!

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, приплелись старые зайчихи – все слушают, как хвастается Заяц – длинные уши, косые глаза, короткий хвост, – слушают и своим собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

– Эй ты, косой глаз, ты и волка не боишься?

– И волка не боюсь, и лисицы, и медведя – никого не боюсь!

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной! И всем вдруг сделалось весело. Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

– Да что тут долго говорить! – кричал расхрабравшийся окончательно Заяц. – Ежели мне попадётся волк, так я его сам съем...

– Ах, какой смешной Заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной, и глупый, и все смеются. Кричат зайцы про волка, а волк – тут как тут. Ходил он, ходил в лесу по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: «Вот бы хорошо зайчиком закусить!» – как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого Волка, поминают. Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошёл Волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше – хвастун Заяц – косые глаза, длинные уши, короткий хвост.

«Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!» – подумал серый Волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью. А зайцы ничего

не видят и веселятся пуще прежнего. Кончилось тем, что хвостун Заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

– Слушайте вы, трúсы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвостуна точно примёрз.

Заяц увидел глядевшего на него Волка. Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвостун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем прокатился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача¹, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный Зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил. Ему всё казалось, что Волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец, совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и замертво свалился под куст.

А Волк в это время бежал в другую сторону. Когда Заяц упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И Волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно найти, а этот был какой-то бешеный...

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в ямку.

Наконец, надоело всем прятаться, и начали понемногу выглядывать, кто по-храбрее.

– А ловко напугал Волка наш Заяц! – решили все. – Если бы не он, так не уйти бы нам живыми... Да где же он, наш бесстрашный Заяц?

Начали искать.

¹ Задал такого стрекоча – стремительно убежать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго Зайца. Уж не съел ли его другой волк?

Наконец-таки нашли: лежит в ямке под кустиком и еле жив от страха.

– Молодец, косой! – закричали все зайцы в один голос. – Ай да косой!.. ловко ты напугал старого Волка. Спасибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый Заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки, встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

– А вы как бы думали? Эх вы, трусы...

С этого дня храбрый Заяц начал сам верить, что он действительно никого не боится.

Сказочка про Козявочку

1

Как родилась Козявочка, – никто не видал. Это был солнечный весенний день.

Козявочка посмотрела кругом и сказала:

– Хорошо!..

Расправила Козявочка свои крылышки, потёрла тонкие ножки одна о другую, ещё посмотрела кругом и сказала:

– Как хорошо!.. Какое солнышко тёплое, какое небо синее, какая травка зелёная, – хорошо, хорошо!.. И всё мое!..

Ещё потёрла Козявочка ножками и полетела. Летает, любит все и радуется. А внизу травка так и зеленеет, а в травке спрятался аленький цветочек.

– Козявочка, ко мне! – крикнул цветочек.

Козявочка спустилась на землю, вскарабкалась на цветочек и принялась пить сладкий цветочный сок.

– Какой ты добрый, цветочек! – говорит Козявочка, вытирая рыльце ножками.

– Добрый-то добрый, да вот ходить не умею, – пожаловался цветочек.

– И всё-таки хорошо, – уверяла Козявочка. – И всё мое...

Не успела она ещё договорить, как с жужжанием налетел мохнатый Шмель, и прямо к цветочку.

– Жж... Кто забрался в мой цветочек? Жж... кто пьёт мой сладкий сок? Жж... Ах ты, дрянная Козявка, убирайся вон! Жжж... Уходи вон, пока я не ужалил тебя!

– Позвольте, что же это такое? – запищала Козявочка. – Всё, всё мое...

– Жжж... Нет, моё!..

Козявочка едва унесла ноги от сердитого Шмеля. Она присела на травку, облизала ножки, запачканные в цветочном соку, и рассердилась.

– Какой грубиян этот Шмель... Даже удивительно!.. Ещё ужалить хотел... Ведь всё моё – и солнышко, и травка, и цветочки.

– Нет уж, извините, – моё! – проговорил мохнатый Червячок, карабкавшийся по стебельку травки.

Козявочка сообразила, что Червячок не умеет летать, и заговорила смелее:

– Извините меня, Червячок, вы ошибаетесь... Я вам не мешаю ползать, а со мной не спорьте!..

– Хорошо, хорошо... Вот только мою травку не троньте. Я этого не люблю, признаться сказать... Мало ли вас тут летает... Вы – народ легкомысленный, а я Червячок серьёзный... Говоря откровенно, мне всё принадлежит. Вот заползу на травку и съем, заползу на любой цветочек и тоже съем. До свидания!..

В несколько часов Козявочка узнала решительно всё, именно, что, кроме солнышка, синего неба и зелёной травки, есть ещё сердитые шмели, серьёзные червячки и разные колючки на цветах. Одним словом, получилось большое огорчение. Козявочка даже обиделась. Помилуйте, она была уверена, что всё принадлежит ей и создано для неё, а тут другие то же самое думают. Нет, что-то не так... Не может этого быть.

Летит Козявочка дальше и видит – вода.

– Уж это моё! – весело запищала она. – Моя вода... Ах, как весело!.. Тут и травка, и цветочки.

А навстречу Козявочке летят другие козявочки.

– Здравствуй, сестрица!

– Здравствуйте, милые... А то уж мне стало скучно одной летать. Что вы тут делаете?

– А мы играем, сестрица... Иди к нам. У нас весело. Ты недавно родилась?

– Только сегодня... Меня чуть Шмель не ужалил, потом я видела Червяка... Я думала, что всё моё, а они говорят, что всё ихнее.

Другие козявочки успокоили гостью и пригласили играть вместе. Над водой козявки играли столбом: кружятся, летают, пищат. Наша Козявочка задыхалась от радости и скоро совсем забыла про сердитого Шмеля и серьезного Червяка.

– Ах, как хорошо! – шептала она в восторге. – Всё моё: и солнышко, и травка, и вода. Зачем другие сердятся, – решительно не понимаю. Всё моё, а я никому не мешаю жить: летайте, жужжите, веселитесь. Я позволяю...

Поиграла Козявочка, повеселилась и присела отдохнуть на болотную осóку. Надо же и отдохнуть в самом деле. Смотрит Козявочка, как веселятся другие козявочки; вдруг, откуда ни возьмись, воробей – как шмыгнет мимо, точно кто камень бросил.

– Ай, ой! – закричали козявочки и бросились врассыпную. Когда воробей улетел, недосчитались целого десятка козявочек.

– Ах, разбойник! – бранились старые козявочки. – Целый десяток съел.

Это было похуже Шмеля. Козявочка начала бояться и спряталась с другими молодыми козявочками ещё дальше в болотную траву. Но здесь – другая беда: двух козявочек съела рыбка, а двух – лягушка.

– Что же это такое? – удивлялась Козявочка. – Это уж совсем ни на что не похоже... Так и жить нельзя. У, какие гадкие!..

Хорошо, что козявочек было много, и убыли никто не замечал. Да ещё прилетели новые козявочки, которые только что родились. Они летели и пищали:

– Всё наше... Всё наше...

– Нет, не всё наше, – крикнула им наша Козявочка. – Есть ещё сердитые шмели, серьёзные червяки, гадкие воробьи, рыбки и лягушки. Будьте осторожны, сестрицы!..

Впрочем, наступила ночь, и все козявочки попрятались в камышах, где было так тепло. Высыпали звёзды на небе, взошёл месяц, и всё отразилось в воде.

Ах, как хорошо было!..

«Мой месяц, мои звёзды», – думала наша Козявочка, но никому этого не сказала: как раз отнимут и это...

3

Так прожила Козявочка целое лето.

Много она веселилась, а много было и неприятного. Два раза её чуть-чуть не проглотил проворный стриж; потом незаметно подобралась лягушка, – мало ли у козявочек всяких врагов! Были и свои радости. Встретила Козявочка другую такую же козявочку с мохнатыми усиками. Та и говорит:

– Какая ты хорошенькая, Козявочка...
Будем жить вместе.

И зажи́ли вместе, совсем хорошо зажили. Всё вместе: куда одна, туда и другая. И не заметили, как лето пролетело. Начались дожди, холодные ночи. Наша Козявочка нанесла яичек, спрятала их в густой траве и сказала:

– Ах, как я устала!..

Никто не видал, как Козявочка умерла.

Да она и не умерла, а только заснула на зиму, чтобы весной проснуться снова и снова жить.

Сказка про Комара Комаровича-длинный нос и про мохнатого Мишу-короткий хвост

1

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович – длинный нос прикорнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

– Ой, батюшки! ой, караул!

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

– Что случилось? Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат – ничего разобрать нельзя.

– Ой, батюшки! Пришёл в наше болото медведь и завалился спать. Как лёг в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; какдохнул – проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передавил.

Комар Комарович – длинный нос сразу рассердился; рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

– Эй вы, перестаньте пищать! – крикнул он. – Вот я сейчас пойду и прогоню медведя. Очень просто! А вы орёте только напрасно.

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили с испокон века, развалился и носом сопит, только свист идёт, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь! Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ, да ещё спит так сладко!

– Эй, дядя, ты это куда забрался? – закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз – никого не видно, открыл другой глаз – едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

– Тебе что нужно, приятель? – заворчал Миша и тоже начал сердиться.

Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит.

– Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

– Да что тебе нужно, негодная тварь? – зарычал он.

– Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю. Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

2

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

– Ловко я напугал мохнатого Мишку! В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

– Ну, а сейчас-то медведь где?

– А не знаю, братцы. Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал: съем. Боюсь, как бы он не околел со страху, пока я к вам летаю. Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили, как им быть с невежей медведем. Никогда ещё в болоте не было такого страшного шума.

Пищали, пищали и решили – выгнать медведя из болота.

– Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше. Ещё отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выпится – сам уйдёт, но на неё все так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

– Идём, братцы! – кричал больше всех Комар Комарович. – Мы ему покажем. Да!

Полетели комары за Комар Комаровичем. Летят и пищат, даже самым страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

– Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху! – хвастался Комар Комарович. – Даже жаль немножко, вой какой здоровый медведище.

– Да он спит, братцы, – пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

– Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный! – запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт. – Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит, как ни в чём не бывало.

А мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

– Он притворяется, что спит! – крикнул Комар Комарович и полетел на медведя. – Вот я ему сейчас покажу. Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос, Миша так и вскочил – хватать лапой по носу, а Комар Комаровича как не бывало.

– Что, дядя, не понравилось? – пищит Комар Комарович. – Уходи, а то хуже будет. Я теперь не один Комар Комарович – длинный нос, а прилетели со мной и дедушка, Комарище – длинный носище, и младший брат, Комаришко – длинный носишко! Уходи, дядя.

– А я не уйду! – закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. – Я вас всех передавлю.

– Ой, дядя, напрасно хвастаешь.

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем. А Комар Комарович въётся над самым медвежьим ухом и пищит:

– Я тебя съем, дядя.

3

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую берёзу и принялся колотить ею комаров.

Так и ломит со всего плеча. Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, – все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров – опять толку нет.

– Что, взял, дядя? – пищал Комар Комарович. – А я тебя всё-таки съем.

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он

деревьев вырвал, сколько камней выворотил! Всё ему хотелось зацепить первого Комар Комаровича, – ведь вот тут, над самым ухом вьётся, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел наконец Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку – давай кататься по траве, чтобы передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако и из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох. Вышло того хуже – комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

– Постойте, вот я вам задам! – ревел он так, что за пять вёрст было слышно. – Я вам покажу штуку.

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревёт:

– Ну-ка, подступитесь теперь ко мне. Всем носы пообломаю!

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружятся, лезут. Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся да как сорвётся с сукá, точно мешок. Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

– Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?

Ещё тоньше рассмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

– Я тебя съем. Я тебя съем. Съем. Съем!

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

– Охота вам, Михайло Иванович, беспокоить себя напрасно! Не обращайтесь вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

– И то не стоит, – обрадовался медведь. – Я это так. Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я. Я.

Как повернётся Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович – длинный нос летит за ним, летит и кричит:

– Ой, братцы, держите! Убежит медведь. Держите!

Собрались все комары, посоветовались и решили: «Не стоит! Пусть его уходит – ведь болото-то осталось за нами!»

Сказка про Воробья Воробеича, Ёрша Ершовича и весёлого трубочиста Яшу

1

Воробей Воробеич и Ёрш Ершович жили в большой дружбе. Каждый день летом Воробей Воробеич прилетал к речке и кричал:

– Эй, брат, здравствуй! Как поживаешь?

– Ничего, живём помаленьку, – отвечал Ёрш Ершович. – Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах. Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червячками, водяными козявками.

– Спасибо, брат! С удовольствием пошёл бы я к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости на крышу. Я тебя, брат, ягодами буду угощать – у меня целый сад, а потом раздобудем и корочку хлебца, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

– Какой он?

– Белый такой.

– Как у нас гальки в реке?

– Ну вот. А возьмёшь в рот – сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

– Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше на воде поплаваем вместе. Я тебе всё покажу.

Воробей Воробеич пробовал заходить в воду, – по колени зайдёт, а дальше страшно делается. Так-то и утонуть можно! Напьётся Воробей Воробеич светлой речной водицы, а в жаркие дни покупается где-нибудь

на мелком месте, почистит перышки – и опять к себе на крышу. Вообще жили они дружно и любили поговорить о разных делах.

– Как это тебе не надоест в воде сидеть? – часто удивлялся Воробей Воробеич. – Мокро в воде, – ещё простудишься.

Ерш Ершович удивлялся в свою очередь:

– Как тебе, брат, не надоест летать? Вон как жарко бывает на солнышке: как раз задохнёшься. А у меня всегда прохладно. Плавай себе сколько хочешь. Небось летом все ко мне в воду лезут купаться. А на крышу кто к тебе пойдёт?

– И ещё как ходят, брат! У меня есть большой приятель – трубочист Яша. Он постоянно в гости ко мне приходит. И весёлый такой трубочист, – всё песни поёт. Чистит трубы, а сам напевает. Да ещё присядет на самый конёк отдохнуть, достанет хлёбца и закусывает, а я крошки подбираю. Душа в душу живём. Я ведь тоже люблю повеселиться.

У друзей и неприятности были почти одинаковые. Например, зима: как зяб бедный Воробей Воробеич! Ух, какие холодные дни бывали! Кажется, вся душа готова вымерзнуть. Нахóхлится Воробей Воробеич, подберёт под себя ноги, да и сидит. Одно только спасенье – забраться куда-нибудь в трубу и немного погреться. Но и тут беда.

Раз Воробей Воробеич чуть-чуть не погиб благодаря своему лучшему

другу – трубочисту. Пришёл трубочист да как спустит в трубу свою чугунную гирю с помелом¹, – чуть-чуть голову не проломил Воробью Воробеичу. Выскочил он из трубы весь в саже, хуже трубочиста, и сейчас браниться:

– Ты это что же, Яша, делаешь-то? Ведь этак можно и до смерти убить.

– А я почём же знал, что ты в трубе сидишь?

– А будь вперёд осторожнее. Если бы я тебя чугунной гирей по голове стукнул, разве это хорошо?

¹ Помелó – палка с намотанной на конце тряпкой, хвоей для обметания, метла.

Ершу Ершовичу тоже по зимам приходилось не сладко. Он забирался куда-нибудь поглубже в омут и там дремал по целым дням. И темно, и холодно, и не хочется шевелиться. Изредка он подплывал к проруби, когда звал Воробей Воробеич. Подлетит к проруби воды напиться и крикнет:

– Эй, Ёрш Ершович, жив ли ты?

– Жив, – сонным голосом откликается Ёрш Ершович. – Только всё спать хочется. Вообще скверно. У нас все спят.

– И у нас тоже не лучше, брат! Что делать, приходится терпеть. Ух, какой злой ветер бывает! Тут, брат, не заснёшь. Я всё на одной ножке прыгаю, чтобы согреться. А люди смотрят и говорят: «Посмотрите, какой весёленький воробушек!» Ах, только бы дождаться тепла. Да ты уж опять, брат, спишь?

А летом опять свои неприятности. Раз ястреб версты¹ две гнался за Воробьем Воробеичем, и тот едва успел спрятаться в речной осоке.

– Ох, едва жив ушёл! – жаловался он Ершу Ершовичу, едва переводя дух. – Вот разбойник-то! Чуть-чуть не сцапал, а там бы поминай, как звали.

– Это вроде нашей щуки, – утешал Ёрш Ершович. – Я тоже недавно чуть-чуть не попал ей в пасть. Как бросится за мной, точно молния. А я выплыл с другими рыбками и думал, что в воде лежит полено, а как это полено бросится за мной. Для чего только эти щуки водятся? Удивляюсь и не могу понять.

– И я тоже. Знаешь, мне кажется, что ястреб когда-нибудь был щукой, а щука была ястребом. Одним словом, разбойники.

¹ **Верста** – устаревшая русская единица длины, равна более одного километра.

Да, так жили да поживали Воробей Воробеич и Ёрш Ершович, зябли по зимам, радовались летом; а весёлый трубочист Яша чистил свои трубы и попевал песенки. У каждого своё дело, свои радости и свои огорчения.

Однажды летом трубочист кончил свою работу и пошёл к речке смыть с себя сажу. Идёт да посвистывает, а тут слышит – страшный шум. Что такое случилось? А над рекой птицы так и вьются: и утки, и гуси, и ласточки, и бекáсы, и воро́ны, и голуби. Все шумят, орут, хохочут – ничего не разберёшь.

– Эй вы, что случилось? – крикнул трубочист.

– А вот и случилось, – чиликнула бойкая синичка. – Так смешно, так смешно! Посмотри, что наш Воробей Воробеич делает. Совсем взбесился.

Синичка засмеялась тоненьким-тоненьким голоском, вильнула хвостиком и взвилась над рекой.

Когда трубочист подошёл к реке, Воробей Воробеич так и налетел на него. А сам страшный такой: клюв раскрыт, глаза горят, все пёрышки стоят дыбом.

– Эй, Воробей Воробеич, ты это что, брат, шумишь тут? – спросил трубочист.

– Нет, я ему покажу! – орал Воробей Воробеич, задыхаясь от ярости. – Он ещё не знает, каков я. Я ему покажу, проклятому Ёршу Ершовичу! Он будет меня поминать, разбойник.

– Не слушай его! – крикнул трубочисту из воды Ёрш Ершович. – Всё-то он врёт.

– Я вру? – орал Воробей Воробеич. – А кто червяка нашёл? Я вру! Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал. Сколько трудился. Ну, схватил его и тащу домой, в своё гнездо. У меня семейство – должен я корм носить. Только вспорхнул с червяком над рекой, а проклятый Ёрш Ершович, – чтоб его щука проглотила! – как крикнет: «Ястреб!» Я со страху

крикнул – червяк упал в воду, а Ёрш Ершович его и проглотил. Это называется врать?! И ястреба никакого не было.

– Что же, я пошутил, – оправдывался Ерш Ершович. – А червяк действительно был вкусный.

Около Ерша Ершовича собралась всякая рыба: плотва, караси, окуни, малявки, – слушают и смеются. Да, ловко пошутил Ёрш Ершович над старым приятелем! И ещё смешнее, как Воробей Воробеич вступил в драку с ним. Так и налетает, так и налетает, а взять ничего не может.

– Подавись ты моим червяком! – бранился Воробей Воробеич. – Я другого себе выкопаю. А обидно то, что Ёрш Ершович обманул меня и надо мной же ещё смеётся. А я его к себе на крышу звал. Хорош приятель, нечего сказать! Вот и трубочист Яша то же скажет. Мы с ним тоже дружно живём и даже вместе закусываем иногда: он ест – я крошки подбираю.

– Пойдите, братцы, это самое дело нужно рассудить, – заявил трубочист. – Дайте только мне сначала умыться. Я разберу ваше дело, по совести. А ты, Воробей Воробеич, пока немного успокойся.

– Моё дело правое, – что же мне беспокоиться! – орал Воробей Воробеич. – А только я покажу Ершу Ершовичу, как со мной шутки шутить.

Трубочист присел на бережок, положил рядом на камешек узелок со своим обедом, вымыл руки и лицо и проговорил:

– Ну, братцы, теперь будем суд судить. Ты, Ерш Ершович, – рыба, а ты, Воробей Воробеич, – птица. Так я говорю?

– Так! Так! – закричали все, и птицы и рыбы.

– Будем говорить дальше! Рыба должна жить в воде, а птица – в воздухе. Так я говорю? Ну вот. А червяк, например, живёт в земле. Хорошо. Теперь смотрите.

Трубочист развернул свой узелок, положил на камень кусок ржаного хлеба, из которого состоял весь его обед, и проговорил:

– Вот смотрите: что это такое? Это – хлеб. Я его заработал, и я его съем; съем и водицей запью. Так? Значит, пообедаю и никого не обижу. Рыба и птица тоже хотят пообедать. У вас, значит, своя пища! Зачем же ссориться? Воробей Воробеич откопал червячка, значит, он его заработал, и, значит, червяк – его.

– Позвольте, дяденька, – слышался в толпе птиц тоненький голосок.

Птицы раздвинулись и пустили вперёд Бекасика-песочника, который подошёл к самому трубочисту на своих тоненьких ножках.

– Дяденька, это неправда.

– Что неправда?

– Да червячка-то ведь я нашёл. Вон спросите уток – они видели. Я его нашёл, а Воробей налетел и украл.

Трубочист смутился. Выходило совсем не то.

– Как же это так? – бормотал он, собираясь с мыслями. – Эй, Воробей Воробеич, ты это что же, в самом деле, обманываешь?

– Это не я вру, а Бекас врёт. Он сговорился вместе с утками.

– Что-то не то, брат. Да! Конечно, червячок – пустяки; а только вот нехорошо красть. А кто украл, тот не должен врать. Так я говорю? Да.

– Верно! Верно! – хором крикнули опять все. – А ты всё-таки рассуди Ерша Ершовича с Воробьем Воробеичем! Кто у них прав? Оба шумели, оба дрались и подняли всех на ноги.

– Кто прав? Ах вы, озорники, Ёрш Ершович и Воробей Воробеич! Право, озорники. Я обоих вас и накажу для примера. Ну, живо миритесь, сейчас же!

– Верно! – крикнули все хором. – Пусть помирятся.

– А Бекасика-песочника, который трудился, добывая червячка, я накормлю крошками, – решил трубочист. – Все и будут довольны.

– Отлично! – опять крикнули все.

Трубочист уже протянул руку за хлебом, а его и нет.

Пока трубочист рассуждал, Воробей Воробеич успел его стащить.

– Ах, разбойник! Ах, плут! – возмутились все рыбы и все птицы.

И все бросились в погоню за вором. Краюшка была тяжела, и Воробей Воробеич не мог далеко улететь с ней. Его догнали как раз над рекой. Бросились на вора большие и малые птицы.

Произошла настоящая свалка. Все так и рвут, только крошки летят в реку; а потом и краюшка полетела тоже в реку. Тут уж схватились за неё рыбы. Началась настоящая драка между рыбами и птицами. В крошки растерзали всю краюшку и все крошки съели. Как есть ничего не осталось от краюшки. Когда краюшка была съедена, все опомнились и всем сделалось совестно. Гнались за вором Воробьём да по пути краденую краюшку и съели.

А весёлый трубочист Яша сидит на бережку, смотрит и смеётся. Уж очень смешно всё вышло. Все убежали от него, остался один только Бекасик-песочник.

– А ты что же не летишь за всеми? – спрашивает трубочист.

– И я полетел бы, да ростом мал, дяденька. Как раз большие птицы заклюют.

– Ну, вот так-то лучше будет, Бекасик. Оба остались мы с тобой без обеда. Видно, мало ещё поработали.

Пришла Алёнушка на бережок, стала спрашивать весёлого трубочиста Яшу, что случилось, и тоже смеялась.

– Ах, какие они все глупые, и рыбки и птички! А я бы поделила всё – и червячка и краюшку, и никто бы не ссорился. Недавно я поделила четыре яблока. Папа приносит четыре яблока и говорит: «Раздели пополам – мне и Лизе». Я и поделила на три части: одно яблоко дала папе, другое – Лизе, а два взяла себе.

Пора спать

1

Засыпает один глазок у Алёнушки,
засыпает другое ушко у Алёнушки...

– Папа, ты здесь?

– Здесь, деточка...

– Знаешь что, папа... Я хочу быть
царицей...

Заснула Алёнушка и улыбается во сне.

Ах, как много цветов! И все они тоже
улыбаются. Обступили кругом Алёнушкину
кроватьку, шепчутся и смеются тоненькими
голосками. Алые цветочки, синие цветочки,
жёлтые цветочки, голубые, розовые, красные,
белые, – точно на землю упала радуга и рассыпалась живыми искрами,
разноцветными огоньками и весёлыми детскими глазками.

– Алёнушка хочет быть царицей! – весело звенели полевые
Колокольчики, качаясь на тоненьких зелёных ножках.

– Ах, какая она смешная! – шептали скромные Незабудки.

– Господа, это дело нужно серьёзно обсудить, – задорно вмешался
жёлтый Одуванчик. – Я по крайней мере никак этого не ожидал...

– Что такое значит – быть царицей? – спрашивал синий полевой
Василёк. – Я вырос в поле и не понимаю ваших городских порядков.

– Очень просто... – вмешалась розовая Гвоздика. – Это так просто, что
и объяснять не нужно. Царица – это... это... Вы всё-таки ничего не
понимаете? Ах, какие вы странные... Царица – это, когда цветок розовый,
как я. Другими словами:

Алёнушка хочет быть гвоздикой. Кажется, понятно?

Все весело засмеялись. Молчали только одни Розы. Они считали себя
обиженными. Кто же не знает, что царица всех цветов – одна Роза, нежная,
благоухающая, чудная? И вдруг какая-то Гвоздика называет себя
царицей... Это ни на что не похоже. Наконец, одна Роза рассердилась,
сделалась совсем пунцовой и проговорила:

– Нет, извините, Алёнушка хочет быть розой... да! Роза потому царица, что все её любят.

– Вот это мило! – рассердился Одуванчик. – А за кого же в таком случае вы меня принимаете?

– Одуванчик, не сердитесь, пожалуйста, – уговаривали его лесные Колокольчики.

– Это портит характер, и притом некрасиво. Вот мы молчим о том, что Алёнушка хочет быть лесным колокольчиком, потому что это ясно само собой.

2

Цветов было много, и они так смешно спорили. Полевые цветочки были такие скромные – как ландыши, фиалки, незабудки, колокольчики, васильки, полевая гвоздика; а цветы, выращенные в оранжереях, немного важничали – розы, тюльпаны, лилии, нарциссы, левкó и, точно разодетые по-праздничному богатые дети. Алёнушка больше любила скромные полевые цветочки, из которых делала букеты и плела веночки. Какие все они славные!

– Алёнушка нас очень любит, – шептали Фиалки. – Ведь мы весной являемся первыми.

Только снег тает – мы и тут.

– И мы тоже, – говорили Ландыши. – Мы тоже весенние цветочки... Мы неприхотливы и растём прямо в лесу.

– А чем же мы виноваты, что нам холодно расти прямо в поле? – жаловались душистые кудрявые Левкои и Гиацинты. – Мы здесь только гости, а наша родина далеко, там, где так тепло и совсем не бывает зимы. Ах, как там хорошо, и мы постоянно тоскуем по своей милой родине... У вас, на севере, так холодно. Нас Алёнушка тоже любит, и даже очень...

– И у нас тоже хорошо, – спорили полевые цветы. – Конечно, бывает иногда очень холодно, но это здорово... А потом холод убивает наших злейших врагов, как червячки, мошки и разные букашки. Если бы не холод, нам пришлось бы плохо.

– Мы тоже любим холод, – прибавили от себя Розы.

То же сказали Азалии и Камелии. Все они любили холод, когда набирали цвет.

– Вот что, господа, будем рассказывать о своей родине, – предложил белый Нарцисс. – Это очень интересно... Алёнушка нас послушает. Ведь она и нас любит...

Тут заговорили все разом. Розы со слезами вспоминали благословенные долины Шираза¹, Гиацинты – Палестину, Азалии – Америку, Лилии – Египет... Цветы собрались сюда со всех сторон света, и каждый мог рассказать так много. Больше всего цветов пришло с юга, где так много солнца и нет зимы. Как там хорошо!.. Да, вечное лето! Какие громадные деревья там растут, какие чудные птицы, сколько красавиц бабочек, похожих на летающие цветы, – и цветов, похожих на бабочек...

– Мы на севере только гости, нам холодно, – шептали все эти южные растения.

Родные полевые цветочки даже пожалели их. В самом деле, нужно иметь большое терпение, когда дует холодный северный ветер, льет холодный дождь и падает снег. Положим, весенний снежок скоро тает, но всё-таки снег.

– У вас есть громадный недостаток, – объяснил Василёк, наслушавшись этих рассказов. – Не спорю, вы, пожалуй, красивее иногда всех нас, простых полевых цветочков, – я это охотно допускаю... Да... Одним словом, вы – наши дорогие гости, а ваш главный недостаток в том, что вы растёте только для богатых людей, а мы растём для всех. Мы гораздо добрее. Вот я, например, – меня вы увидите в руках у каждого деревенского ребёнка. Сколько радости доставляю я всем бедным детям!.. За меня не нужно платить денег, а только стоит выйти в поле. Я расту вместе с пшеницей, рожью, овсом...

¹ Шираз – расположен на юге Ирана.

3

Алёнушка слушала всё, о чём рассказывали ей цветочки, и удивлялась. Ей ужасно захотелось посмотреть всё самой, все те удивительные страны, о которых сейчас говорили.

– Если бы я была ласточкой, то сейчас же полетела бы, – проговорила она наконец. – Отчего у меня нет крылышек? Ах, как хорошо быть птичкой...

Она не успела ещё договорить, как к ней подползла божья Коровка, настоящая божья Коровка, такая красненькая, с чёрными пятнышками, с чёрной головкой и такими тоненькими чёрными усиками и чёрными тоненькими ножками.

– Алёнушка, полетим! – шепнула божья Коровка, шевеля усиками.

– У меня нет крылышек, Божья Коровка!

– Садись на меня...

– Как же я сяду, когда ты маленькая?

– А вот, смотри...

Алёнушка начала смотреть и удивлялась всё больше и больше. Божья Коровка расправила верхние жёсткие крылья и увеличилась вдвое, потом распустила тонкие, как паутина, нижние крылышки, и сделалась ещё больше. Она росла на глазах у Алёнушки, пока не превратилась в большую-большую, в такую большую, что Алёнушка могла свободно сесть к ней на спинку, между красными крылышками. Это было очень удобно.

– Тебе хорошо, Алёнушка? – спрашивала божья Коровка.

– Очень.

– Ну, держись теперь крепче...

В первое мгновение, когда они полетели, Алёнушка даже закрыла глаза от страха. Ей показалось, что летит не она, а летит всё под ней – города, леса, реки, горы. Потом ей начало казаться, что она сделалась такая маленькая-маленькая, с булавочную головку, и притом лёгкая, как

пушинка с одуванчика. А божья Коровка летела быстро-быстро, так, что только свистел воздух между крылышками.

– Смотри, что там внизу... – говорила ей божья Коровка.

Алёнушка посмотрела вниз и даже всплеснула ручонками.

– Ах, сколько роз... красные, жёлтые, белые, розовые!..

Земля была точно покрыта живым ковром из роз.

– Спустимся на землю, – просила она божью Коровку.

Они спустились, причём Алёнушка сделалась опять большой, какой была раньше, а божья Коровка сделалась маленькой.

Алёнушка долго бегала по розовому полю и нарвала громадный букет цветов. Какие они красивые, эти розы; и от их аромата кружится голова. Если бы всё это розовое поле перенести туда, на север, где розы являются только дорогими гостями!..

– Ну, теперь летим дальше, – сказала божья Коровка, расправляя свои крылышки.

Она опять сделалась большой-большой, а Алёнушка – маленькой-маленькой.

4

Они опять полетели.

Как было хорошо кругом! Небо было такое синее, а внизу ещё синее – море. Они летели над крутым и скалистым берегом.

– Неужели мы полетим через море? – спрашивала Алёнушка.

– Да... только сиди смирно и держись крепче:

Сначала Аленушке было даже страшно, а потом – ничего. Кроме неба и воды, ничего не осталось. А по морю неслись, как большие птицы с белыми крыльями, корабли... Маленькие суда походили на мух. Ах, как красиво, как хорошо!.. А впереди уже виднеется морской берег – низкий,

жёлтый и песчаный, устье какой-то громадной реки, какой-то совсем белый город, точно он выстроен из сахара. А дальше виднелась мёртвая пустыня, где стояли одни пирамиды. Божья Коровка опустилась на берегу реки. Здесь росли зелёные папирусы¹ и лилии, чуждые нежные лилии.

– Как хорошо здесь у вас, – заговорила с ними Алёнушка. – Это у вас не бывает зимы?

– А что такое зима? – удивлялись Лилии.

– Зима – это когда, идёт снег...

– А что такое снег?

Лилии даже засмеялись. Они думали, что маленькая северная девочка шутит над ними. Правда, что с севера каждую осень прилетали сюда громадные стаи птиц и тоже рассказывали о зиме, но сами они её не видали, а говорили с чужих слов.

Алёнушка тоже не верила, что не бывает зимы. Значит, и шубки не нужно и валенок?

Полетели дальше. Но Алёнушка больше не удивлялась ни синему морю, ни горам, ни обожжённой солнцем пустыне, где росли гиацинты.

– Мне жарко... – жаловалась она. – Знаешь, божья Коровка, это даже нехорошо, когда стоит вечное лето.

– Кто как привык, Алёнушка.

Они летели к высоким горам, на вершинах которых лежал вечный снег. Здесь было не так жарко. За горами начались непроходимые леса. Под сводом деревьев было темно, потому что солнечный свет не проникал сюда сквозь густые вершины деревьев. По ветвям прыгали обезьяны. А сколько было птиц – зелёных, красных, жёлтых, синих... Но всего удивительнее были цветы, выросшие прямо на древесных стволах. Были цветы совсем огненного цвета, были пёстрые; были цветы, походившие на маленьких птичек и на больших бабочек, – весь лес точно горел разноцветными живыми огоньками.

¹ Папирус – тропическое травянистое растение семейства осоковых.

– Это – орхидеи, – объяснила божья Коровка. Ходить здесь было невозможно – так всё переплелось. Они полетели дальше. Вот разлилась среди зелёных берегов громадная река. Божья Коровка опустилась прямо на большой белый цветок, росший в воде. Таких больших цветов Алёнушка ещё не видала.

– Это – священный цветок, – объяснила божья Коровка. – Он называется лотосом.

5

Алёнушка так много видела, что, наконец, устала. Ей захотелось домой: всё-таки дома лучше.

– Я люблю снежок, – говорила Алёнушка. – Без зимы нехорошо...

Опять они полетели, и чем поднимались выше, тем делалось холоднее. Скоро внизу показались снежные поляны. Зеленел только один хвойный лес. Алёнушка ужасно обрадовалась, когда увидела первую ёлочку:

– Ёлочка, ёлочка! – крикнула она.

– Здравствуй, Алёнушка! – крикнула ей снизу зелёная Ёлочка.

Это была настоящая рождественская ёлочка, – Алёнушка сразу её узнала. Ах, какая милая Ёлочка!.. Алёнушка наклонилась, чтобы сказать ей, какая она милая, и вдруг полетела вниз. Ух, как страшно!.. Она перевернулась несколько раз в воздухе и упала прямо в мягкий снег. Со страха Алёнушка закрыла глаза и не знала, жива ли она или умерла.

– Ты это как сюда попала, крошка? – спросил её кто-то.

Алёнушка открыла глаза и увидела седого-седого, сгорбленного старика. Она его тоже узнала сразу. Это был тот самый старик, который приносит умным деткам святочные ёлки, золотые звёзды, коробочки с бомбóшками¹ и самые удивительные

¹ Бомбóшка – помпон, шерстяной или матерчатый шарик на одежде.

игрушки. О, он такой добрый, этот старик!.. Он сейчас же взял её на руки, прикрыл своей шубой и опять спросил:

– Как ты сюда попала, маленькая девочка?

– Я путешествовала на божьей Коровке... Ах, сколько я видела, дедушка!..

– Так, так...

– А я тебя знаю, дедушка! Ты приносишь деткам ёлки...

– Так, так... И сейчас я устраиваю тоже ёлку.

Он показал ей длинный шест, который совсем уж не походил на ёлку.

– Какая же это ёлка, дедушка? Это просто – большая палка...

– А вот увидишь...

Старик понёс Алёнушку в маленькую деревушку, совсем засыпанную снегом. Выставлялись из-под снега одни крыши да трубы. Старика уж ждали деревенские дети. Они прыгали и кричали:

– Ёлка! Ёлка!..

Они пришли к первой избе. Старик достал необмолоченный сноп овса, привязал его к концу шеста, а шест поднял на крышу. Сейчас же налетели со всех сторон маленькие птички, которые на зиму никуда не улетают: воробышки, кузьки, овсянки, – и принялись клевать зерно.

– Это наша ёлка! – кричали они.

Алёнушке вдруг сделалось очень весело. Она в первый раз видела, как устраивают ёлку для птичек зимой. Ах, как весело!.. Ах, какой добрый старичок! Один воробышек, суетившийся больше всех, сразу узнал Алёнушку и крикнул:

– Да ведь это Алёнушка! Я её отлично знаю... Она меня не один раз кормила крошками. Да...

И другие воробышки тоже узнали её и страшно запищали от радости.

Прилетел ещё один воробей, оказавшийся страшным забиякой. Он начал всех расталкивать и выхватывать лучшие зёрна. Это был тот самый воробей, который дрался с ершом. Алёнушка его узнала.

– Здравствуй, воробышек!..

– Ах, это ты, Алёнушка? Здравствуй!..

Забияка воробей попрыгал на одной ножке, лукаво подмигнул одним глазом и сказал доброму святочному старику:

– А ведь она, Алёнушка, хочет быть царицей... Да, я давеча¹ слышал сам, как она это говорила.

– Ты хочешь быть царицей, крошка? – спросил старик.

– Очень хочу, дедушка!

– Отлично. Нет ничего проще: всякая царица – женщина, и всякая женщина – царица... Теперь ступай домой и скажи это всем другим маленьким девочкам.

Божья Коровка была рада убраться поскорее отсюда, пока какой-нибудь озорник воробей не съел. Они полетели домой быстро-быстро... А там уж ждут Алёнушку все цветочки. Они всё время спорили о том, что такое царица.

Баю-баю-баю...

Один глазок у Алёнушки спит, другой – смотрит; одно ушко у Алёнушки спит, другое – слушает. Все теперь собрались около Алёнушкиной кровати: и храбрый Заяц, и Медведко, и забияка Петух, и Воробей, и Воронушка – чёрная головушка, и Ёрш Ершович, и маленькая-маленькая Козявочка. Все тут, все у Алёнушки.

– Папа, я всех люблю... – шепчет Алёнушка. – Я и чёрных тараканов, папа, люблю...

Закрылся другой глазок, заснуло другое ушко... А около Алёнушкиной кровати зеленеет весело весенняя травка, улыбаются цветочки, – много цветочков: голубые, розовые, жёлтые, синие, красные. Наклонилась над самой кроватью зелёная берёзка и шепчет что-то так ласково-ласково. И солнышко светит, и песочек желтеет, и зовёт к себе Алёнушку синяя морская волна...

– Спи, Алёнушка! Набирайся силушки... Баю-баю-баю...

¹ Давеча – недавно.

Владимир Орлов

Стихотворение «Узелки»

После зимней
Глубокой дремоты
Дел немало
На шаре земном.
Перед праздником
Столько работы!
Нужно помнить весне
Обо всём.
И весна в изумрудном
Платочке
Ходит, бродит
В лесах и в садах.
И на память себе
Узелочки
Оставляет на голых
Ветвях.

Днём и ночью
Ей нужно трудиться —
Перекрасить леса и поля.
Нужно к маю земле
Нарядиться,
Чтобы стала красивой
Земля.
Нужно солнце почистить
До блеска —
На ветру потускнело оно.

Нужно зимнюю снять
Занавеску
И промыть
Голубое окно,
Проводить холода
За ворота,
Не спеша отворить
Ручейки...

А закончится
Эта работа —
И развяжутся все узелки.

Лев Толстой

Басня «Отец и сыновья»

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

– Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать.

Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту. Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

– Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да всё врозь – вас всякий легко погубит.

Басня «Садовник и сыновья»

Хотел садовник сыновей приучить к садовому делу. Когда он стал умирать, позвал их и сказал:

– Вот, дети, когда я умру, вы в виноградном саду поищите, что там спрятано.

Дети подумали, что там клад, и когда отец умер, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю в винограднике так хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше. И они стали богаты.

Рассказ «Прыжок»

(Быль)

Один корабль обошёл вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было – она знала, что ею забавляются, и оттого ещё больше расходилась.

Она подпрыгнула к 12-летнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик погрозил ей и крикнул на неё, но она ещё злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по верёвке на первую перекладину; но обезьяна ещё ловчее и быстрее его, в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась ещё выше.

– Так не уйдёшь же ты от меня! – закричал мальчик и полез выше. Обезьяна опять подманила его, полезла ещё выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой¹ за верёвку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина² два, так что достать её нельзя было иначе, как выпустить из рук верёвку и мачту.

¹ У обезьян 4 руки (примеч. Л.Н. Толстого)

² **Аршин** — это старая русская мера длины. Один аршин равен примерно 71 сантиметр,

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывали обезьяна и капитанский сын; но как увидели, что он пустил верёвку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться – и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошёл до края перекладины и взял шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нёс ружьё, чтобы стрелять чаек. Он увидел сына на мачте, и тотчас же прицелился в сына и закричал: «В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!» Мальчик шатался, но не понимал. «Прыгай или застрелю!.. Раз, два...» и как только отец крикнул: «три» – мальчик размахнулся, головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро, шлёпнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже 20 молодцов матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через 40 – они долги показались всем – вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан это увидел, он вдруг закричал, будто ему стало трудно дышать. Потом он быстро побежал в свою каюту, чтобы никто не увидел, как он плачет.

Рассказ «Булька»

У меня была мордашка. Её звали Булька. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней, и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большие, чёрные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа¹. Булька был смирный и не кусался, но он был очень силен и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубами и повиснет, как тряпка, и его, как клеща, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нём держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушёл от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую перекладную², как вдруг увидал, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее. Это был Булька в своём медном ошейнике.

Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой.

Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не поспевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так вёрст³ двадцать в самый жар.

¹ **Арап** — это старинное слово, которым раньше называли человека с тёмной кожей, обычно из Африки.

² **Перекладная** — экипаж, запряжённый лошадьми, которые менялись на почтовых станциях: «на перекладных» путешествовали в России до проведения железных дорог.

³ **Верста** — это старая русская мера длины. Одна верста — это примерно один километр.

Рассказ «Лебеди»

Лебеди стадом летели из холодной стороны в тёплые земли. Они летели через море. Они летели день и ночь, и другой день и другую ночь они, не отдыхая, летели над водою. На небе был полный месяц, и лебеди далеко внизу под собой видели синеющую воду. Все лебеди утомились, махая крыльями; но они не останавливались и летели дальше. Впереди летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее. Один молодой лебедь летел позади всех. Силы его ослабели. Он взмахнул крыльями и не мог лететь дальше. Тогда он, распустив крылья, пошёл книзу. Он ближе и ближе спускался к воде; а товарищи его дальше и дальше белелись в месячном свете.

Лебедь спустился на воду и сложил крылья. Море всколыхнулось под ним и покачало его. Стадо лебедей чуть виднелось белой чертой на светлом небе. И чуть слышно было в тишине, как звенели их крылья. Когда они совсем скрылись из вида, лебедь загнул назад шею и закрыл глаза. Он не шевелился, и только море, поднимаясь и опускаясь широкой полосой, поднимало и опускало его.

Перед зарёй лёгкий ветерок стал колыхать море. И вода плескала в белую грудь лебедя. Лебедь открыл глаза. На востоке краснела заря, и месяц и звёзды стали бледнее. Лебедь вздохнул, вытянул шею и взмахнул крыльями, приподнялся и полетел, цепляя крыльями по воде. Он поднимался выше и выше и полетел один над тёмными всколыхавшимися волнами.

Рассказ «Какая бывает роса на траве»

Когда в солнечное утро летом пойдёшь в лес, то на полях, в траве, видны алмазы. Все алмазы эти блестят и переливаются на солнце разными цветами – и жёлтым, и красным, и синим. Когда подойдёшь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались в треугольных листьях травы и блестят на солнце. Листок этой травы внутри мохнат и пушист, как бархат. И капли катаются по листку и не мочат его.

Когда неосторожно сорвёшь листок с росинкой, то капелька скатится, как шарик светлый, и не увидишь, как проскользнет мимо стебля. Бывало, сорвёшь такую чашечку, потихоньку поднесёшь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкуснее всякого напитка кажется.

Сказка «Ореховая ветка»

Жил богатый купец, и было у него три дочери.

Собрался он ехать за товаром и спросил у дочерей: что им привезть? Старшая попросила бусы.

Вторая попросила колечко, а меньшая говорит:

– Мне ничего не нужно. Если вспомнишь про меня, то привези ореховую ветку.

Купец уехал, сделал свои дела и купил старшей дочери бусы, второй – колечко. Едет он уже назад через большой лес и вспомнил, что меньшая ничего не просила, только ореховую ветку, и слез с повозки, и пошёл сорвать ореховую ветку.

Вдруг видит – ореховая ветка и не простая, а на ней золотые орехи.

Купец и думает: «Вот и моей меньшой умнице подарок», – нагнул ветку и сломил.

Вдруг, откуда ни возьмись, появился медведь. Он схватил купца за руку и говорит:

– Ты как смел мою ветку ломать? Теперь я тебя съем.

Купец испугался и говорит:

– Я бы не взял ветки, да меньшая дочь просила меня.

Медведь и говорит:

– Иди же домой, но помни: тот, кто тебя дома первый встретит, того ты мне отдай.

Купец обещался, и медведь отпустил его.

Купец поехал дальше и приехал домой.

Только въехал во двор, бежит навстречу его любимая – меньшая дочь. Купец вспомнил, что он обещался медведю того, кто его первый встретит, и так и обмер.

Рассказал купец всё, что с ним было и что надо меньшую дочь медведю отдать. Стали все плакать. А мать говорит:

– Не плачьте, я знаю, что сделать. Когда медведь придёт за нашей дочкой, мы нарядим пастухову дочь и отдадим её вместо своей.

Раз сидят все дома и видят, что едет на дворе карета. Стали смотреть. Видят – из кареты вышел медведь. Вошёл медведь к купцу и говорит:

– Давай дочь!

Купец не знает, что сказать. А мать догадалась: снарядила пастухову дочь и привела медведю. Медведь посадил её в карету и поехал. Только отъехали, медведь зарычал и хотел съесть пастухову дочь. Тогда она призналась, что она пастухова, а не купцова дочь.

Медведь вернулся к купцу и говорит:

– Ты меня обманул, давай настоящую дочь.

Поплакали, одели дочь, простились с нею и от дали медведю. Медведь посадил её в карету и поехал. Ехали они, ехали; приехали в большой лес и остановились. Медведь вылез из кареты и сказал:

– Вот наш дом, иди за мной.

Медведь влез в яму, девочка вошла за ним.

Потом отворил медведь большую дверь и ввёл девочку в тёмный подвал и говорит:

– Иди за мной.

Девочка дрожала от страха и думала, что её конец пришёл; а всё-таки шла за медведем. Вдруг затрещало что-то, как гром, стало светло, и девочка видит, что она не в подвале, а в богатом дворце: светло, музыка играет и нарядные люди её встречают и ей кланяются, а рядом с ней молодой князь. Князь подошёл к ней и сказал:

– Я не медведь, а князь и хочу на тебе жениться.

Тогда послали за отцом и матерью, позвали гостей и сыграли свадьбу. Жили они счастливо и всегда берегли ореховую ветку.

A crow is perched on a thick, gnarled tree branch, holding a piece of yellow cheese in its beak. A small red dot, representing a seed, is falling from the cheese. Below the tree, a red fox with a white chest and tail tip sits on a grassy field, looking up at the crow. The background shows a soft-focus forest with green trees and a bright, hazy sky. Sunlight filters through the leaves, creating dappled light on the tree trunk and grass.

98

Басня «Квартет»

Проказница-Мартышка,
Осёл,
Козёл
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть Квартёт¹.
Достали нот, баса², альт³, две скрипки
И сели на лужок под липки –
Пленять своим искусством свет.
Ударили в смычки, дерут, а толку нет.
«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. –
Погодите!
Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.
Ты с басом, Мишенька, садись против альта,
Я, прима⁴, сяду против вторы;
Тогда пойдёт уж музыка не та:
У нас запляшут лес и горы!»
Расселись, начали Квартет;
Он всё-таки на лад нейдёт.
«Постойте ж, я сыскал секрет, –
Кричит Осёл, мы, верно, уж поладим,
Коль рядом сядем».
Послушались Осла: уселись чинно в ряд,
А всё-таки Квартет нейдёт на лад.
Вот пуще прежнего пошли у них разборы
И споры,
Кому и как сидеть.

¹ **Квартёт** – 1. Музыкальная пьеса для четырёх инструментов. 2. Исполнение такой пьесы.

3. Группа музыкантов в составе 4 человек.

² **Бас** – здесь: виолончель, самый низкий по звучанию инструмент в квартете.

³ **Альт** – смычковый инструмент, занимающий промежуточное положение между скрипкой и виолончелью.

⁴ **Прима**: первая скрипка в оркестре, вто́ра – вторая скрипка.

Случилось Соловью на шум их прилететь.
Тут с просьбой все к нему, чтоб их решать
сомнение:
«Пожалуй, – говорят, – возьми на час терпенье,
Чтобы Квартет в порядок наш привести:
И ноты есть у нас, и инструменты есть;
Скажи лишь, как нам сесть!» –
«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье
И уши ваших понежней, –
Им отвечает Соловей. –
А вы, друзья, как ни садитесь,
Всё в музыканты не годитесь».

Борис Житков

Рассказ «Про обезьянку»

(цикл «Рассказы о животных»)

Мне было двенадцать лет, и я учился в школе. Раз на перемене подходит ко мне товарищ мой Юхименко и говорит:

— Хочешь, я тебе обезьянку дам?

Я не поверил — думал, он мне сейчас шутку какую-нибудь устроит так, что искры из глаз посыплются, и скажет: «Вот это и есть «обезьянка». Не таковский я.

— Ладно, — говорю, — знаем.

— Нет, — говорит, — в самом деле. Живую обезьянку. Она хорошая. Её Яшкой зовут. А папа сердится.

— На кого?

— Да на нас с Яшкой. Убирай, говорит, куда знаешь. Я думаю, что к тебе всего лучше.

После уроков пошли мы к нему. Я всё ещё не верил. Неужели, думал, живая обезьянка у меня будет? И все спрашивал, какая она. А Юхименко говорит:

— Вот увидишь, не бойся, она маленькая.

Действительно, оказалась маленькая. Если на лапки встанет, то не больше полуаршин¹. Мордочка сморщенная, старушечья, а глазки живые, блестящие. Шерсть на ней рыжая, а лапки чёрные. Как будто человечьи руки в перчатках чёрных. На ней был надет синий жилет.

Юхименко закричал:

— Яшка, Яшка, иди! Что я дам!

¹ Полуаршин – аршин (72 см), полуаршин (36 см).

И засунул руку в карман. Обезьянка закричала: «Ай, ай!» — и в два прыжка вскочила Юхименке на руки. Он сейчас же сунул её в шинель, за пазуху.

— Идём, — говорит.

Я глазам своим не верил. Идём по улице, несём такое чудо, и никто не знает, что у нас за пазухой.

Дорогой Юхименко мне говорил, чем кормить.

— Всё ест, всё давай. Сладкое любит. Конфеты — беда. Дорвётся — непременно обожрётся. Чай любит жидкий и чтоб сладкий был. Ты ей внакладку¹. Два куска. Вприкуску не давай: сахар сожрет, а чай пить не станет.

Я все слушал и думал: я ей и трёх кусков не пожалею, миленькая такая, как игрушечный человек. Тут я вспомнил, что и хвоста у ней нет.

— Ты, — говорю, — хвост отрезал ей под самый корень?

— Она макака, — говорит Юхименко, — у них хвостов не растёт.

Пришли мы к нам домой. Мама и девочки сидели за обедом. Мы с Юхименкой вошли прямо в шинелях.

Я говорю:

— А кто у нас есть!

Все обернулись. Юхименко распахнул шинель. Никто ещё ничего разобрать не успел, а Яшка как прыгнет с Юхименки маме на голову; толкнулся ножками — и на буфет. Всю причёску маме осадил.

Все вскочили, закричали:

— Ой, кто, кто это?

А Яшка уселся на буфет и строит морды, чавкает, зубки скалит.

Юхименко боялся, что сейчас ругать его будут, и скорей к двери. На него и не смотрели — все глядели на обезьянку. И вдруг девочки все в один голос затаили:

— Какая хорошенькая!

¹ Внакладку — пить, положив сахар (например, в чай).

А мама всё причёску прилаживала.

— Откуда это?

Я оглянулся. Юхименки уже нет. Значит, я остался хозяином. И я захотел показать, что знаю, как с обезьянкой надо. Я засунул руку в карман и крикнул, как давеча¹ Юхименко:

— Яшка, Яшка! Иди, я тебе что дам!

Все ждали. А Яшка и не глянул — стал чесаться меленько и часто чёрной лапочкой.

До самого вечера Яшка не спускался вниз, а прыгал по верхам: с буфета на дверь, с двери на шкаф, оттуда на печку.

Вечером отец сказал:

— Нельзя её на ночь так оставлять, она квартиру вверх дном переверотит.

И я начал ловить Яшку. Я к буфету — он на печь. Я его оттуда щёткой — он прыг на часы. Качнулись часы и стали. А Яшка уже на занавесках качается. Оттуда — на картину, картина покосилась, — я боялся, что Яшка кинется на висячую лампу.

Но тут уже все собрались и стали гоняться за Яшкой. В него кидали мячиком, катушками, спичками и наконец загнали в угол.

Яшка прижался к стене, оскалился и защёлкал языком — пугать начал. Но его накрыли шерстяным платком и завернули, запутали.

Яшка барахтался, кричал, но его скоро укрутили так, что осталась торчать одна голова. Он вертел головой, хлопал глазами и, казалось, сейчас заплачет от обиды.

Не пеленать же обезьяну каждый раз на ночь!

Отец сказал:

— Привязать. За жилет — и к ножке, к столу.

Я принёс верёвку, нащупал у Яшки на спине пуговицу, продел верёвку в петлю и

¹ Давеча — недавно.

крепко завязал. Жилет у Яшки на спине застёгивался на три пуговики. Потом я поднёс Яшку, как он был, закутанного, к столу, привязал верёвку к ножке и только тогда размотал платок.

Ух, как он начал скакать! Но где ему было порвать верёвку! Он покричал, позлился и сел печально на полу.

Я достал из буфета сахару и дал Яшке. Он схватил чёрной лапочкой кусок, заткнул за щеку. От этого вся мордочка у него скривилась.

Я попросил у Яшки лапу. Он протянул мне свою ручку.

Тут я рассмотрел, какие на ней хорошенькие чёрные ноготки. Игрушечная живая ручка. Я стал гладить лапку и думаю: совсем как ребёночек. И пощекотал ему ладошку. А ребёночек-то как дёрнет лапку — раз, и меня по щеке. Я и мигнуть не успел, а он надавал мне оплеух и прыг под стол. Сел и скалится. Вот и ребёночек!

Но тут меня погнало спать.

Я хотел Яшку привязать к своей кровати, но мне не позволили. Я всё прислушивался, что Яшка делает, и думал, что непременно ему надо устроить кроватку, чтоб он спал, как люди, и укрывался одеяльцем. Голову бы клал на подушечку. Думал, думал и заснул.

Утром вскочил и, не одеваясь, к Яшке. Нет Яшки на верёвке. Верёвка есть, на верёвке жилет привязан, а обезьянки нет. Смотрю, все три пуговицы сзади расстёгнуты. Это он расстегнул жилет, оставил его на верёвке, а сам драла. Я искать по комнате. Шлёпаю босыми ногами. Нигде нет. Я перепугался. А ну как убежал? Дня не пробыл, и вот на тебе! Я на шкафы заглядывал, в печку — нигде. Убежал, значит, на улицу. А на улице мороз — замёрзнет, бедный. И самому стало холодно. Побежал одеваться. Вдруг вижу: в моей же кровати что-то возится. Одеяло шевелится. Я

даже вздрогнул. Вот он где! Это ему холодно на полу стало, он удрал и ко мне на кровать. Забился под одеяло. А я спал и не знал. Яшка спросонья не дичился, дался в руки, и я напялил на него снова синий жилет.

Когда сели пить чай, Яшка вскочил на стол, огляделся, сейчас же нашёл сахарницу, запустил лапу и прыг на дверь. Он прыгал так легко, что казалось — летает, не прыгает. На ногах у обезьяны пальцы, как на руках, и Яшка мог хватать ногами. Он так и делал. Сидит, как ребёнок, на руках у кого-нибудь и ручки сложил, а сам ногой со стола тянет что-нибудь.

Стащит ножик и ну с ножом скакать. Это чтобы у него отнимали, а он будет удирать. Чай Яшке дали в стакане. Он обнял стакан, как ведро, пил и чмокал. Я уж не пожалел сахару.

Когда я ушёл в школу, я привязал Яшку к дверям, к ручке. На этот раз обвязал его вокруг пояса верёвкой, чтобы уж не мог сорваться. Когда я пришёл домой, то из прихожей увидал, чем Яшка занимается. Он висел на дверной ручке и катался на дверях, как на карусели. Оттолкнётся от косяка и едет до стены. Пихнёт ножкой в стену и едет назад.

Когда я сел готовить уроки, я посадил Яшку на стол. Ему очень нравилось греться около лампы. Он дремал, как старичок на солнышке, покачивался и, прищурясь, глядел, как я тыкаю пером в чернила. Учитель у нас был строгий, и я чистенько написал страницу. Промокать не хотелось, чтобы не испортить. Оставил сохнуть. Прихожу и вижу: сидит Яков на тетради, макает пальчик в чернильницу, ворчит и выводит чернильные вавилоны по моему писанью. Ах ты, дрянь! Я чуть не заплакал с горя. Бросился на Яшку. Да куда! Он на занавески — все занавески чернилами перепачкал. Вот оно почему Юхименкин папа на них с Яшкой сердился...

Но раз, и мой папа рассердился на Яшку. Яшка обрывал цветы, что стояли у нас на окнах. Сорвёт лист и дразнит. Отец поймал и отдул Яшку. А потом привязал его в наказание на лестнице, что вела на чердак. Узенькая лесенка. А широкая шла из квартиры вниз.

Вот отец идёт утром на службу. Почистился, надел шляпу, спускается по лестнице. Хлоп! Штукатурка падает. Отец остановился, стряхнул со

шляпы. Глянул вверх — никого. Только пошёл — хлоп, опять кусок извёстки прямо на голову. Что такое?

А мне сбоку было видно, как орудовал Яшка. Он наломал от стенки извёстки, разложил по краям ступенек, а сам прилёг, притаился на лестнице, как раз у отца над головой. Только отец пошёл, а Яшка тихонечко толк ножкой штукатурку со ступеньки и так ловко примерил, что прямо отцу на шляпу, — это он ему мстил за то, что отец вздул его накануне.

Но когда началась настоящая зима, завыл ветер в трубах, завалило окна снегом, Яшка стал грустным. Я его всё грел, прижимал к себе. Мордочка у Яшки стала печальная, обвисшая, он подвизгивал и жался ко мне. Я попробовал сунуть его за пазуху, под куртку. Яшка сейчас же там устроился: он схватился всеми четырьмя лапками за рубаху и так повис, как приклеился. Он так и спал там, не разжимая лап. Забудешь другой раз, что у тебя живой набрюшник под курткой, и обопрёшься о стол. Яшка сейчас лапкой заскребёт мне бок: дает мне знать, чтоб осторожней.

Вот раз в воскресенье пришли в гости девочки. Сели завтракать. Яшка смирно сидел у меня за пазухой, и его совсем не было заметно. Под конец рóздали конфеты. Только я стал первую разворачивать, вдруг из-за пазухи, прямо из моего живота, вытянулась мохнатая ручка, ухватила конфету и назад. Девочки взвизгнули от страха. А это Яшка услышал, что бумагой шелестят, и догадался, что едят конфеты. А я девочкам говорю: «Это у меня

третья рука; я этой рукой прямо в живот конфеты сую, чтоб долго не возиться». Но уж все догадались, что это обезьянка, и из-под куртки слышно было, как хрустит конфета: это Яшка грыз и чавкал, как будто я животом жую.

Яшка долго злился на отца. Примирился Яшка с ним из-за конфет. Отец мой как раз бросил курить и вместо папирос носил в портсигаре маленькие конфетки. И каждый раз после обеда отец открывал тугую крышку портсигара большим пальцем, ногтём, и доставал конфетки. Яшка тут как тут: сидит на коленях и ждёт, — ёрзает, тянется. Вот отец раз и

отдал весь портсигар Яшке. Яшка взял его в руку, а другой рукой, совершенно как мой отец, стал подковыривать большим пальцем крышку. Пальчик у него маленький, а крышка тугая и плотная, и ничего не выходит у Яшеньки. Он завыл с досады. А конфеты брякают. Тогда Яшка схватил отца за большой палец и его ногтем, как стамеской, стал отковыривать крышку. Отца это рассмешило, он открыл крышку и поднёс Яшке. Яшка сразу запустил лапу, нагребастал полную горсть, скорее в рот и бегом прочь. Не каждый же день такое счастье!

Был у нас знакомый доктор. Болтать любил — беда. Особенно за обедом. Все уж кончили, у него на тарелке всё остыло, тогда он только хватится — поковыряет, наспех глотнёт два куска.

— Благодарю вас, я сыт.

Вот раз обедает он у нас, ткнул вилку в картошку и вилкой этой размахивает — говорит. Разошёлся — не унять. А Яшка, вижу, по спинке стула поднимается, тихонечко подкрался и сел у доктора за плечом. Доктор говорит:

— И понимаете, тут как раз... — И остановил вилку с картошкой возле уха — на один момент всего.

Яшенька лапочкой тихонько за картошку и снял её с вилки — осторожно, как вор. А доктор дальше:

— И представьте себе... — И тык пустой вилкой себе в рот. Сконфузился — думал, стряхнул картошку, когда руками махал, оглядывается.

А Яшки уж нет — сидит в углу и прожевать картошку не может, всю глотку забил.

Доктор сам смеялся, а всё-таки обиделся на Яшку.

Яшке устроили в корзинке постель: с простынёй, одеяльцем, подушкой. Но Яшка не хотел спать по-человечьи: всё наматывал на себя клубком и таким чучелом сидел всю ночь. Ему сшили платице,

зелёненькое, с пелеринкой, и стал он похож на стриженую девочку из приюта.

Вот раз я слышу звон в соседней комнате. Что такое? Пробираюсь тихонько и вижу: стоит на подоконнике Яшка в зелёном платице, в одной руке у него ламповое стекло, а в другой ёжик, и он ёжиком с остервенением чистит стекло. В такую ярость пришёл, что не слышал, как я вошёл. Это он видел, как стёкла чистили, и давай сам пробовать.

А то оставишь его вечером с лампой, он отвернёт огонь полным пламенем — лампа коптит, сáжа летает по комнате, а он сидит и рычит на лампу.

Беда стало с Яшкой, хоть в клетку сажай. Я его и ругал и бил. Но долго не мог на него сердиться. Когда Яшка хотел понравиться, он становился очень ласковым, залезал на плечо и начинал в голове искать. Это значит — он вас уж очень любит.

Надо ему выпросить что-нибудь — конфет там или яблоко, — сейчас залезет на плечо и заботливо начинает лапками перебирать в волосах: ищет и ноготком поскребывает. Ничего не находит, а делает вид, что поймал зверя: выкусывает с пальчиков чего-то.

Вот раз пришла к нам в гости дама. Она считала, что она красавица. Разряженная. Вся так шёлком и шуршит. На голове не прическа, а прямо целая беседка из волос накручена — в завитках, в локончиках. А на шее на длинной цепочке зеркальце в серебряной оправе.

Яшка осторожно к ней по полу подскочил.

— Ах, какая обезьянка миловидная! — говорит дама. И давай зеркальцем с Яшкой играть.

Яшка поймал зеркальце, повертел — прыг на колени к даме и стал зеркальце на зуб пробовать.

Дама отняла зеркальце, зажала в руке. А Яшке хочется зеркало получить. Дама погладила небрежно Яшку перчаткой и потихоньку спихивает с колен. Вот Яшка и решил понравиться, подольститься к даме. Прыг ей на плечо. Крепко ухватился за кружева задними лапками и взялся за причёску. Раскопал завитки и стал искать. Дама покраснела.

— Пошёл, пошёл! — говорит.

Не тут-то было! Яшка ещё больше старается: скребёт ноготками, зубками щёлкает.

Дама эта всегда против зеркала садилась, чтоб на себя полюбоваться, и видит в зеркало, что взлохматил её Яшка, — чуть не плачет. Я двинулся на выручку. Куда там! Яшка вцепился что было силы в волосы и на меня глядит дико. Дама дёрнула его за шиворот, и своротил ей Яшка причёску. Глянула на себя в зеркало — чучело чучелом. Я замахнулся, спугнул Яшку, а гостья наша схватилась за голову и в дверь.

— Безобразие, — говорит, — безобразие! — И не попрощалась ни с кем.

«Ну, — думаю, — держу до весны и отдам кому-нибудь, если Юхименко не возьмёт. Уж столько мне попадало за эту обезьянку».

И вот настала весна. Потеплело. Яшка ожил и ещё больше проказил. Очень ему хотелось на двор, на волю. А двор у нас был огромный, с десятину. Посреди двора был сложен горой казённый¹ уголь, а вокруг склады с товаром. И от воров сторожа держали на дворе целую свору собак. Собаки большие, злые. А всеми собаками командовал рыжий пёс Каштан. На кого Каштан зарычит, на того все собаки бросаются. Кого Каштан пропустит, и собаки не тронут. А чужую собаку бил Каштан с разбегу грудью. Ударит, с ног собьёт и стоит над ней, рычит, а та уж и шелохнуться боится.

Я посмотрел в окно — вижу, нет собак во дворе. Дай, думаю, пойду выведу Яшеньку погулять первый раз. Я надел на него зелёненькое платьице, чтобы он не простудился, посадил к себе на плечо и пошёл. Только я двери раскрыл, Яшка — прыг наземь и побежал по двору. И вдруг, откуда ни возмись, вся стая собачья, и Каштан впереди, прямо на Яшку. А он, как зелёненькая куколка, стоит маленький. Я уж решил, что пропал Яшка — сейчас разорвут. Каштан сунулся к Яшке. Но Яшка повернулся к нему, присел, прицелился. Каштан стал за шаг от обезьянки, оскалился и ворчал, но не решался броситься на такое чудо. Собаки все ошетинились и ждали, что Каштан.

¹ **Казённый** — принадлежащий государству.

Я хотел броситься выручать. Но вдруг Яшка прыгнул и в один момент уселся Каштану на шею. И тут шерсть клочьями полетела с Каштана. По морде и глазам бил Яшка, так что лап не видно было.

Взвыл Каштан, и таким ужасным голосом, что все собаки врассыпную бросились. Каштан сломя голову пустился бежать, а Яшка сидит, вцепился ногами в шерсть, крепко держится, а руками рвёт Каштана за уши, щиплет шерсть клочьями. Каштан с ума сошёл: носится вокруг угольной горы с диким воем. Раз а три обежал Яшка верхом вокруг двора и на ходу спрыгнул на

уголь. Взобрался не торопясь на самый верх. Там была деревянная будка; он влез на будку, уселся и стал чесать себе бок как ни в чём не бывало. Вот, мол, я, — мне нипочём!

А Каштан — в ворота от страшного зверя.

С тех пор я смело стал выпускать Яшку во двор: только Яшка с крыльца — все собаки в ворота. Яшка никого не боялся.

Приедут во двор подводы, весь двор забьют, пройти негде. А Яшка с возу на воз перелетает. Вскочит лошади на спину — лошадь топчется, гривой трясёт, фыркает, а Яшка не спеша на другую перепрыгивает. Извозчики только смеются и удивляются:

— Смотри, какая сатана прыгает. Ишь ты! У-ух!

А Яшка — на мешки. Ищет щёлочки. Просунет лапку и щупает, что там. Нашупает, где подсолнухи, сидит и тут же на возу щёлкает. Бывало, что и орехи нашупает Яшка. Набьёт за щёки и во все четыре руки старается нагрести.

Но вот нашёлся у Якова враг. Да какой! Во дворе был кот. Ничей. Он жил при конторе, и все его кормили объедками. Он разжирел, стал большой, как собака. Злой был и царапучий.

И вот раз под вечер гулял Яшка по двору. Я его никак не мог дозваться домой. Вижу, вышел на двор котище и прыг на скамью, что стояла под

деревом. Яшка как увидел кота — прямо к нему. Присел и идёт не спеша на четырёх лапах. Прямо к скамье и глаз с кота не спускает.

Кот подобрал лапы, спину нагорбил, приготовился. А Яшка всё ближе ползёт. Кот глаза вытаращил, пятится. Яшка — на скамью. Кот всё задом на другой край, к дереву. У меня сердце замерло. А Яков по скамье ползёт на кота. Кот уж в комок сжался, подобрался весь. И вдруг — прыг, да не на Яшку, а на дерево. Вцепился за ствол и глядит сверху на обезьянку. А Яшка всё тем же ходом к дереву. Кот поцарапался выше — привык на деревьях спасаться. А Яшка на дерево, и всё не спеша, целится на кота чёрными глазками. Кот выше, выше, влез на ветку и сел с самого краю.

Смотрит, что Яшка будет делать. А Яков по той же ветке ползёт и так уверенно, будто он сроду ничего другого не делал, а только котов ловил. Кот уж на самом краю, на тоненькой веточке еле держится, качается. А Яков ползёт и ползёт, цепко перебирает всеми четырьмя ручками. Вдруг кот прыг с самого верху на мостовую, встряхнулся я во весь дух прочь без оглядки. А Яшка с дерева ему вдогонку: «Йай, йау!» — каким-то страшным, звериным голосом, — я у него никогда такого не слышал.

Теперь уж Яков стал совсем царём во дворе. Дома он уж есть ничего не хотел, только пил чай с сахаром. И раз так на дворе изюму наелся, что еле-еле его отходили. Яшка стонал, на глазах слёзы, и на всех капризно смотрел. Всем было сначала очень жалко Яшку, но когда он увидел, что с ним возятся, стал ломаться и разбрасывать руки, закидывать голову и подвывать на разные голоса. Решили его укутать и дать касторки¹. Пусть знает.

А касторка ему так понравилась, что он стал орать, чтобы ему ещё дали. Его запеленали и три дня не пускали на двор.

Яшка скоро поправился и стал рваться на двор. Я за него не боялся. Поймать его никто не мог, и Яшка целыми днями прыгал по двору. Дома

¹ **Касторка** — (касторовое масло) лекарство.

стало спокойнее, и мне меньше влетало за Яшку. И как настала осень, все в доме в один голос:

— Куда хочешь убирай свою обезьянку или сажай в клетку. А чтоб по всей квартире эта сатанá не носилась.

То говорили, какая хорошенькая, а теперь, думаю, сатана стала. И как только началось ученье, я стал искать в классе, кому бы сплавить Яшку.

Подыскал наконец товарища, отозвал в сторону и сказал:

— Хочешь, я тебе обезьянку подарю? Живую.

Не знаю уж, кому он потом Яшку сплавил. Но первое время, как не стало Яшки в доме, я видел, что все немного скучали, хоть признаваться и не хотели.

Рассказ «Мангуста»

Я очень хотел, чтобы у меня была настоящая, живая мангуста. Своя собственная. И я решил: когда наш пароход придёт на остров Цейлон, я куплю себе мангусту и отдам все деньги, сколько ни спросят.

И вот наш пароход у острова Цейлона. Я хотел скорей бежать на берег, скорей найти, где они продаются, эти зверьки. И вдруг к нам на пароход приходит чёрный человек (тамошние люди все чёрные), и все товарищи обступили его, толпятся, смеются, шумят. И кто-то крикнул:

«Мангусты!» Я бросился, всех растолкал и вижу: у чёрного человека в руках клетка, а в ней серые зверьки. Я так боялся, чтобы кто-нибудь не перехватил, что закричал прямо в лицо этому человеку:

— Сколько?

Он даже испугался сначала — так я крикнул. Потом понял, показал три пальца и сунул мне в руки клетку. Значит, всего три рубля, с клеткой вместе, и не одна, а две мангусты! Я сейчас же расплатился и перевёл дух: я совсем запыхался от радости. Так

обрадовался, что забыл спросить этого чёрного человека, чем кормить мангуст, ручные они или дикие. А вдруг они кусаются? Я спохватился, побежал за человеком, но его уже и след простыл.

Я решил сам узнать, кусаются мангусты или нет. Я просунул палец через прутья клетки. И просунуть-то не успел, как уж слышу — готово: мой палец схватили. Схватили маленькие лапки, цепкие, с ноготками. Быстро-быстро кусает меня мангуста за палец. Но совсем не больно — это она нарочно, так — играет. А другая забилась в угол клетки и глядит искоса чёрным блестящим глазом.

Мне скорей захотелось взять на руки, погладить эту, что кусает для шутки. И только я приоткрыл клетку, эта самая мангуста — юрк! — и уж побежала по каюте. Она суежилась, бегала по полу, всё нюхала и крякала: «кррык! кррык!» — как будто ворона.

Я хотел её поймать, нагнулся, протянул руку, и вмиг мангуста мелькнула мимо моей руки и уже в рукаве. Я поднял руку — и готово: мангуста уж за пазухой. Она выглянула из-за пазухи, крякнула весело и снова спряталась. И вот слышу: она уже под мышкой, пробирается в другой рукав и выскочила из другого рукава на волю. Я хотел её погладить и только поднёс руку, как вдруг мангуста подскочила вверх сразу на всех четырёх лапах, как будто под каждой лапой пружинка. Я даже руку отдёрнул, будто от выстрела. А мангуста снизу глянула на меня весёлыми глазками и снова: кррык!

И смотрю — уж сама на колени ко мне взобралась и тут свои фокусы показывает: то свернётся, то вмиг расправится, то хвост трубой, то вдруг голову просунет меж задних ног. Она так ласково, так весело со мной играла, а тут вдруг постучали в каюту и вызвали меня на работу.

Надо было погрузить на палубу штук пятнадцать огромных стволов каких-то индийских деревьев. Они были корявые, с обломанными сучьями, дуплистые, толщённые, в коре — как были из лесу. Но с отпиленного конца видно было, какие они внутри красивые — розовые, красные, совсем чёрные! Мы клали их горкой на палубу и накрепко укручивали цепями, чтобы в море не разболталось. Я работал и всё думал: «Что там мои мангусты? Ведь я им ничего поесть не оставил».

Я спрашивал чёрных грузчиков, тамошних людей, что пришли с берега, не знают ли они, чем кормить мангусту, но они ничего не понимали и только улыбались. А наши говорили:

— Давай что попало: она сама разберёт, что ей надо.

Я выпросил у повара мяса, купил бананов, притащил хлеба, блюдце молока. Всё

это поставил посреди каюты и открыл клетку. Сам залез на койку и стал глядеть. Из клетки выскочила дикая мангуста, и они вместе с ручной прямо бросились на мясо. Они рвали его зубами, крякали и урчали, лакали молоко, потом ручная ухватила банан и потащила его в угол. Дикая — прыг! — и уж рядом с ней. Я хотел поглядеть, что будет, вскочил с койки, но уж поздно: мангусты бежали назад. Они облизывали мордочки, а от банана остались на полу одни шкурки, как тряпочки.

Наутро мы были уже в море. Я всю свою каюту увесил гирляндами бананов. Они на верёвочках качались под потолком. Это для мангуст. Я буду давать понемногу — надолго хватит. Я выпустил ручную мангусту, и она теперь бегала по мне, а я лежал полускрыв глаза и недвижно.

Гляжу: мангуста прыгнула на полку, где были книги. Вот она перелезла на раму круглого пароходного окна. Рама слегка вихлялась — пароход качало. Мангуста покрепче примостилась, глянула вниз на меня. Я притаился. Мангуста толкнула лапкой в стенку, и рама поехала вбок. И в тот самый миг, когда рама была против банана, мангуста рванулась, прыгнула и обеими лапками ухватила банан. Она повисла на момент в воздухе, под самым потолком. Но банан оторвался, и мангуста шлёпнулась об пол. Нет! Шлёпнулся-то банан. Мангуста прыгнула на все

четыре лапки. Я привскочил поглядеть, но мангуста уже возилась под койкой. Через минуту она вышла с замазанной мордой. Она покрывала от удовольствия.

Эге! Пришлось перевесить бананы к самой середине каюты: мангуста уже пробовала по полотенцу вскарабкаться повыше. Лазила она, как обезьяна: у неё лапки как ручки. Цепкие, ловкие, проворные. Она совсем меня не боялась. Я выпустил её на палубу погулять, на солнце. Она сразу по-хозяйски всё обнюхала и бегала по палубе так, будто она и сроду нигде больше не была и тут её дом.

Но на пароходе у нас был свой давнишний хозяин на палубе. Нет, не капитан, а кот. Громадный, откормленный, в медном ошейнике. Он важно ходил по палубе, когда было сухо. Сухо было и в этот день. И солнце поднялось над самой мачтой. Кот вышел из кухни, поглядел, всё ли в порядке.

Он увидел мангусту и быстро пошёл, а потом начал осторожно красться. Он шёл по железной трубе. Она тянулась по палубе. Как раз у этой трубы суежилась мангуста. Она как будто и не видела кота. А кот был уж совсем над нею. Ему оставалось только протянуть лапу, чтобы вцепиться когтями ей в спину. Он выжидал, чтобы поудобней. Я сразу сообразил, что сейчас будет. Мангуста не видит, она спиной к коту, она разнюхивает палубу как ни в чём не бывало; кот уж прицелился.

Я бросился бегом. Но я не добежал. Кот протянул лапу. И в тот же миг мангуста просунула голову меж задних лап, разинула пасть, громко каркнула, а хвост — громадный пушистый хвост — поставила вверх столбом, и он стал как ламповый ёжик, что стёкла чистят. В одно мгновение она обратилась в непонятное, невиданное чудище. Кота отбросило назад, как от калёного железа. Он сразу повернул и, задрав хвост палкой, понёсся прочь без оглядки. А мангуста как ни в чём не бывало снова суежилась и что-то разнюхивала на палубе. Но с тех пор красавца

кота редко кто видел. Мангуста на палубе — кота и не сыщешь. Его звали и «кис-кис» и «Васенька». Повар его мясом приманивал, но кота найти нельзя было, хоть обыщи весь пароход. Зато у кухни теперь вертелись мангустаны; они крякали, требовали от повара мяса. Бедный Васенька только по ночам пробирался к повару в каюту, и повар его прикармливал мясом. Ночью, когда мангустаны были в клетке, наступало Васенькино время.

Иван Соколов-Микитов

Цикл рассказов «Год в лесу»

Зима

Выпал снег.

Чистой белой скатертью покрылась и отдыхает земля. Глубокие высятся сугробы.

Тяжёлыми белыми шапками накрылся и притих лес.

На скатерти снегов видят охотники красивые узоры звериных и птичьих следов.

Вот у обглоданных осинок натропил ночью зайчишка-беляк; подняв чёрный кончик хвоста, охотясь за птичками и мышами, пробежал горноста́й.

Красивой цепочкой вьётся по лесной опушке след старого лисовина. По самому краю поля, след в след, прошли разбойники-волки.

А через широкую наезженную дорогу, взрывая копытами снег, перешли лоси...

Много крупных и мелких зверей и птиц живёт и кормится в накрытом снежною на́висью¹, притихшем зимнем лесу.

На опушке

Тихо раннее утро в зимнем лесу. Спокойно наступает рассвет.

По лесной опушке, у края снежной поляны, пробирается с ночной охоты рыжий старый лисовин.

Мягко похрустывает, пухом рассыпается под ногами лисовина снег. Лапка за лапкой вьются за лисовином следы.

Слушает и смотрит лисовин, не запищит ли под кочкой в зимнем гнезде мышь, не выскочит ли из куста длинноухий неосторожный зайчишка.

¹ На́вись — то, что нависло на чем-либо или над чем-либо.

Вот шевельнулась в сучках и, увидев лисовина, то-о-оненько — пик! пик! — пискнула синичка-королёк. Вот, пересвистываясь и порхая, пролетела над опушкой стайка клестов-еловиков, торопливо рассыпалась по вершине украшенной шишками ели.

Слышит и видит лисовин, как взвершилась на дерево белка, а с густой закачавшейся ветки, рассыпаясь алмазною пылью, свалилась снежная шапка.

Всё видит, всё слышит, всё знает в лесу старый, хитрый лисовин.

Тетерева

Взошло, заиграло над лесом весёлое зимнее солнышко, зажгло янтарным светом снега.

Вылетели из ночных лунок, из глубокого пушистого снега красавцы тетерева, расселись на освещённой солнцем, украшенной кружевным инеем берёзе.

Кормятся, отдыхают тетерева. Клюют берёзовые душистые почки. Спокойно гуляют под деревьями, оставляя на чистой скатерти снега красивые крестики своих следов.

Большими дружными стаями всю зиму живут тетерева. На ночь зарываются в снег, делают в сугробах глубокие ямки — лунки.

Не достанет в снегу тетеревов их злейший враг — ястреб. Не найдёт и сам хитрый лисовин.

Издалека видит старый лисовин, как кормятся, сидят на берёзах, гуляют по снегу красивые, нарядные тетерева.

Слюнки текут у лисовина...

На лесной дороге

Одна за другой идут по зимней дороге нагружённые брёвнами тяжёлые машины.

Выбежал из лесу лось.

Смело перебегает широкую наезженную дорогу.

Остановил шофёр машину, любуется сильным, красивым лосем.

Много лосей в наших лесах. Целыми стадами они бродят по засыпанному снегом болотам, скрываются в кустарниках, в больших лесах.

Люди не трогают, не обижают лосей.

Только голодные волки решаются иногда нападать на лосей. Рогами и копытами обороняются от злых волков сильные лоси.

Никого не боятся лоси в лесу. Смело бродят по лесным полянам, переходят широкие прósеки и наезженные дороги, нередко подходят близко к селениям и шумным городам.

Глухари

В глухих сосновых лесах живут, зимуют, кормятся смолистою хвоей молоденьких сосен глухари.

Глухарь — самая большая, редкая птица в наших лесах.

Летом скрываются они вместе с лосями в глухих чащобах, в моховых тёмных болотах. За это некоторые деревенские охотники называют глухарей «мошниками».

Не всякому удаётся увидеть зимой в лесу глухарей, услышать весною их удивительную песню.

Только очень немногие, самые терпеливые и умелые, охотники знают, где живут, скрываются и поют глухари.

Хорошие, умные охотники берегут редкостных лесных птиц и, подкравшись к ним, любуются их силой и красотой.

Беляк и куница

Проходили по лесу лоси, на шумели.

Услыхал зайчишка-беляк, как шумят близко лоси, выскочил из-под ёлки, прижал уши к спине и помчался со всех заячьих быстрых ног куда глаза смотрят, куда ноги несут.

Бежит по лесу зайчишка и не оглядывается, ничего не видит. Кажется, ему, вот-вот догонят, затопчут его огромные лоси.

А на сосне злая куница сидит. Нацелилась куница, оскалила острые зубы, хочет прыгнуть вниз — поймать зайчишку.

Не видит зайчишка куницы. Прижал к спине уши, мчится со всех ног мимо сосны.

Нет, не поймать кунице быстрого зайчишку-беляка. Прыгнет с дерева, промахнётся — и прости-прощай!

Далеко-далеко умчится от неё на своих быстрых ногах длинноухий зайчишка-беляк.

В берлоге

Ранней зимой, как только выпадет снег, залегают в берлоге медведи.

Старательно и умело в лесной глуши готовят они эти зимние берлоги. Мягкой душистой хвоей, корой молодых ёлочек, лесным сухим мохом выстилают своё жильё.

Тепло и уютно в медвежьих берлогах.

Как только ударят в лесу морозы, засыпают в берлогах медведи. И чем лютее морозы, чем сильнее качает ветер деревья — крепче, непробуднее спят.

Поздней зимою родятся у медведиц крошечные слепые медвежата.

Тепло медвежатам в засыпанной снегом берлоге. Чмокают, сосут молоко, карабкаются на спину матери — огромной, сильной медведицы, устроившей для них тёплую берлогу.

Только в большую оттепель, когда начинает капать с деревьев и белыми шапками валится с ветвей снежная навесь, медведь просыпается. Хочет узнать хорошенько: не пришла ли, не началась ли в лесу весна?

Высунется медведь из берлоги, поглядит на зимний лес — и опять до весны на боковую.

Волки

Поздней зимою, когда ляжет глубокий снег, в морозные метельные ночи бродят волки по полям и занесённым снегом дорогам. Ловят зайчишек, выманивают доверчивых собак.

Далеко слышна зимою их голодная страшная песня.

«Ууу-у! Ууу-у-у!» — воют волки, и тревожным лаем отвечают им в селениях чуткие собаки.

После ночного разбоя скрываются волки в лес.

По волчьим следам тихо идут на лыжах охотники с ружьями за плечами и красными флажками.

Осторожно обходят охотники залёгших в чащобе волков. На длинных бечёвках по сучкам и веткам развешивают вокруг волчьего логова флажки.

Пошевеливает ветер красные языки лёгких флажков. Чудится волкам в этих флажках опасность.

Спрятались охотники в лесу, спугнули с тёплых лёжек волков.

Увидел старый волк красные флажки, остановился. Не уйдёт он теперь из круга, попадётся охотнику, спрятавшемуся с ружьём в лесу.

Олени

В больших заповедниках, в наших нетронутых лесах, живут благородные олени.

Благородный олень — очень красивое, стройное животное с большими ветвистыми рогами.

Охотиться на оленей теперь строго-настрого запрещено. В заповедниках оленей охраняют. Люди заготавливают на зиму сено и ставят в лесу кормушки.

Доверчиво относятся к людям красивые, смелые олени.

На лесной поляне, в сосновом бору, устроена кормушка. Каждый вечер приходят сюда олени. Спокойно едят они сено и почти не боятся, когда близко подойдёт человек, чтобы ими полюбоваться.

Зимняя ночь

Наступила ночь в лесу.

По стволам и сучьям толстых деревьев постукивает мороз, хлопьями осыпается лёгкий серебряный иней. В тёмном высоком небе видимо-невидимо рассыпались яркие зимние звёзды.

Тихо, беззвучно в зимнем лесу и на лесных снежных полянах.

Но и в морозные зимние ночи продолжается скрытая жизнь в лесу. Вот хрустнула и сломалась мёрзлая ветка — это пробежал под деревьями, мягко подпрыгивая, заяц-беляк. Вот что-то ухнуло и страшно вдруг захохотало: где-то закричал филин. Завыли и замолчали волки.

По алмазной скатерти снегов, оставляя узоры следов, пробегают лёгкие ласки, охотятся за мышами хорьки, бесшумно пролетают над снежными сугробами совы.

Как сказочный часовой, уселся на голом суку головастый серый совёнок. В ночной темноте он один слышит и видит, как идёт в зимнем лесу скрытая от людей жизнь.

Весна

Весна в лесу

По глухим чащобам и болотам ранней весной пробирался охотник от края до края через глухой лес.

Много птиц и зверей видел он в пробудившемся лесу. Видел, как на краю болота токует глухарь, как в молодом осиннике, на припёке, пасутся лоси, а по лесному оврагу пробирается в своё логово, бежит с добычей старый волк.

Многое видел и слышал в лесу внимательный охотник.

Радостна, шумна и пахуча весна. Звонко поют птицы, звенят под деревьями весенние ручейки. Смолой пахнут набухшие почки.

Тёплый ветер пробегает в высоких вершинах.

Скоро, скоро оденется лес листвой, зацветёт на опушках черёмуха, защёлкают над ручьями голосистые соловьи. Прилетят, закукуют длиннохвостые кукушки:

«Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

Забегают по кочкам хлопотливые муравьи, вылетит из зимнего убежища, загудит первый шмель.

Побегами молодой травы, голубыми и белыми подснежниками покроются лесные полянки.

Хороша, радостна, весела весна в лесу!

Весеннее утро

Ранним утром в глухом лесу, на самом краю болота, токует глухарь. «Тэкэ, тэкэ, тэк, тэк, тэк!» — раздаётся его весенняя тихая песня.

Спокойно утром в лесу. Далеко слышен каждый звук.

Вот проковылял по чащобе, тихо похрустывая, заяц-беляк. Пробежала по краю болота осторожная лисица. Спрятался в норе под корягой быстрый хорёк.

Громко затрубили на болоте, встречая солнце, длинноногие журавли.

Сорвался с болота, стрелою поднялся в небо длинноносый баранчик — бекас. Будто голос молодого барашка, доносится с высоты далёкий дребезжащий звук.

«Качи-качи-качи-качи!» — сидя на кочке, радостно отозвался другой бекас на болоте.

«Тэкэ, тэкэ, тэк, тэк, тэк!» — чаще и чаще защёлкал, ещё жарче запел свою песню глухарь. Издали кажется: далеко-далеко точит кто-то топор на точиле.

Во время песни не слышит и плохо видит глухарь. Не слышит он, как пробирается по токовищу лисица, как у края болота пасутся в молодом осиннике лоси.

На краю леса

Выше и выше над лесом солнце.

Вышла на край леса старая лосиха с длинноногим новорождённым лосёнком, задремала на тёплом весеннем солнышке лосиха.

Учится бегать маленький лосёнок. Спотыкаются о высокие кочки его длинные ноги.

Ласково пригревает в редком лесу весеннее солнышко. Уже надулись на деревьях душистые клейкие почки. Из надломленной лосями берёзовой ветви прозрачными каплями сочится сладкий сок.

Отражая высокое небо, синими кажутся в лесу весенние лужи. А над синими лужами, над обогретой, пробудившейся землёй, в золотых лучах солнца «толкут мак» комары-толкунцы.

Золотистыми пуховками распустились кустики ивы. Под деревьями зеленеют обросшие брусничником кочки.

Хорошо пахнет в весеннем лесу!

Задремала на солнышке старая лосиха. Чутко слышит она каждый шорох, каждый тревожный звук.

Беззаботно резвится у её ног маленький лосёнок. Знает он, что ни серому волку, ни злой разбойнице-рыси не даст его в обиду чуткая и сильная мать.

В овраге

Через тёмный лес, через глухие овраги пробирается с добычей старый волк.

Далеко от проезжих дорог и людных селений скрыто волчье логово.

Кончилась холодная зима. В весенние тёплые дни родились у волчицы слепые маленькие волчата.

Растут, резвятся бойкие волчата. Много обглоданных костей валяется вокруг их далёкого, скрытого логова. Извилистые тропинки протоптаны к водопою.

Поздно утром возвращается старый волк с добычей. Похрустывает под волчьими лапами слежавшийся снег. Взлетают на деревья пугливые рябчики; тревожно попискивая, провожают лесного разбойника маленькие синички.

Смело бежит волк по знакомому лесу. Хорошо знает он дорогу в своё скрытое логово, где ждут не дождутся старого волка прожорливые, жадные волчата.

Медвежья семья

На освещённую солнцем лесную поляну вывела медведица своих маленьких медвежат.

Испугалась медведей быстрая куница.

Остановилась, слушает осторожная медведица: всё ли спокойно в лесу?

Жмутся к матери маленькие медвежата. Страшно им в огромном лесу. Только недавно выбрались из тёплой берлоги.

Прислушиваются медвежата, как шумит ветер в высоких лесных вершинах, как пересвистываются и поют невидимые птицы, а на сухой сосновой макушке дятел выстукивает барабанную дробь.

Будут медвежата теперь привыкать к родному лесу, играть и кувыряться по мягким кочкам, взбираться на деревья.

Трудно увидеть медведей.

Далеко слышит и чует медведица. Не увидишь и не услышишь, как уйдут, тихо скроются в тёмном лесу чуткие звери.

Логово рыси

В тёмной лесной чащобе, под нависшими сучьями, затаилась разбойница-рысь.

Всю ночь скиталась она по лесу, разоряла звериные и птичьи гнёзда, ловила зайчишек, доставала с деревьев спящих птиц.

Мрачно и темно в недоступной чащобе.

Длинными седыми бородами лишайников обросли сучья и стволы деревьев. Прикрытые мохом, во все стороны протянулись узловатые корни.

В зелёную крышу сплелись над логовом рыси еловые ветви.

В лесной темноте хорошо видят рысьи глаза. Тихо ступают по земле её кошачьи мягкие лапы. Хорошо слышат украшенные кисточками рысьи уши.

Будто сказочный часовой, охраняя логово рыси, на сучке уселся круглоголовый глазастый совёнок. Здесь, в лесной тени, у ствола старого дерева, прячется он от дневного яркого света.

Прижалась к земле рысь, доедает ночную добычу. Зелёными огоньками светятся её злые глаза.

Беззащитные звери и все лесные птицы боятся, сторонятся рыси. Старательно прячут они гнёзда, защищают и берегут своих маленьких детей.

Одна-одинёшенька, скрытно и дико, живёт в глухом лесу разбойница-рысь.

У старой сосны

Душистой смолою пахнет бор.

У освещённой солнцем старой сосны резвятся весёлые проказницы-белки. Радуются они тёплому солнышку, светлой весне. Сменили к весне свои пушистые серые шубки. Рыжими стали у белок их спинки, пышные хвосты.

Всю долгую зиму жили белки в высоком лесу. От ветра и стужи прятались в тёплых гнёздах, забирались в глубокие дупла деревьев. С ёлки на ёлку, с сосны на сосну носились по лесу, грызли смолистые тяжёлые шишки.

Много забот будет летом у белок. Нужно выкормить маленьких бельчат, собрать и спрятать в дуплах запасы орехов, засушить грибов.

В голодные годы, когда мало в лесу орехов и шишек, белки пускаются в далёкие и опасные путешествия. Смело переплывают они широкие реки, перебегают открытые поля, забегают в многолюдные селения и города.

Никому в лесу не делают вреда миролюбивые весёлые белки.

С сучка на сучок, с вершины на вершину друг за дружкой гоняются они по деревьям, встречают светлую, тёплую весну.

Весело, радостно играют у старой сосны проказницы-белки.

Ранней весной

Ранней весной родились эти маленькие зайчата.

Ещё лежал в лесу под деревьями глубокий снег, прихватывали по утрам крепкие весенние морозы. И птиц и зверей держал на снегу плотный наст. Называют поэтому ранних зайчат настовиками.

Крепко прижались друг к дружке маленькие зайчата.

Ласково пригревает весеннее солнышко. Обрадовались теплу, высунулись из гнезда длинноухие зайчата. Терпеливо ждут свою мать.

А зайчихи-матери и своих и чужих детей кормят. Прибежит к гнезду чужая зайчиха, покормит проголодавшихся зайчат и убежит дальше.

Опять останутся одни маленькие зайчата.

Хорошо спрятались они в сухой, прошлогодней траве! Здесь не найдёт их разбойница-рысь, не увидит хитрая лисица.

Увидела зайчат суетливая птичка. Уселась на ветки, вертится и поёт:

«Вот, вот вижу! Вот, вот слышу!»

Большими, страшными зверями кажутся ей робкие, маленькие зайчишки.

Суетливая птичка всё вертится над зайчатами, тоненько поёт:

«Вот, вот вижу! Вот, вот слышу!»

Со страхом смотрят на суетливую птичку зайчата.

Над болотом

Каждый год возвращаются журавли из далёких тёплых стран на родное болото.

Над морями и широкою степью, над светлыми реками и синими лесами летят на свою родину весной журавли.

Высоким камышом и сухой, прошлогодней осóкой заросло большое непроходимое болото. В самых недоступных местах устраивают гнёзда сторожкие¹ журавли.

Спокойно им жить на неприступном болоте. Не пройдёт по болоту волк, не проберётся лисица, не подкрадётся осторожная рысь.

Водят весной журавли весёлые хороводы. Соберутся в кружок на болоте, машут крыльями, танцуют.

«Курлы, курлы, курлы!» — по всему лесу разносятся их шумные голоса.

Скоро выведутся на болоте длинноногие, неуклюжие журавлята. Начнут ловить для них журавли лягушек и змей, приносить в гнездо корм.

Будут расти, учиться летать журавлята...

Шелестит на ветру сухая осока, качается высокий тростник.

Ниже и ниже спускается вечернее солнце.

Один за другим слетаются на ночёвку, кружат над болотом журавли.

¹ Сторожский – чуткий, пугливый (о животных).

Весенний вечер

За вершинами леса скрылось солнце.

Прохладно и сыро в лесу. Слышно, как дышит, оживает земля. Пахнет весенними почками, пробудившейся тёплой землёй.

Вот сам собою шевельнулся на земле прошлогодний мокрый листочек. Под ним показалась из земли зелёная стрелка молодой травы.

Много звуков в вечернем лесу.

Заливаются на деревьях певчие дрозды. На вершине высокого дуба

громко воркует дикий голубь — витютень.

«Витютень, на ду-у-убе сажу! Витютень, на ду-у-убе сажу!» — выговаривает важно витютень.

Глухо турлычат в прозрачных весенних лужах лягушки.

Вытянув длинные шеи, свистя крыльями, пролетели над лесом дикие утки.

«Чуфшшш! Чуфшшш!» — вдруг громко чуфистнул и забормотал на поляне краснобровый красавец тетерев-косач.

«Гу-гу-гууу! Гу-гу-гууу!» — гугукнул заяц, и очень похоже, бесшумно пролетая, ему отозвалась лесная сова.

Страшно ухнул в лесу и захохотал филин.

Взмахивая крыльями, тихо потянули над макушками леса длинноносые лесные кулики

Ниже и ниже спускается весенняя прохладная ночь.

Лето

Хорошо и привольно летом в лесу.

Зелёной листвою одеты деревья. Пахнет грибами, спелой, душистой земляникой.

Громко поют птицы.

Пересвистываются иволги, кукуют, перелетая с дерева на дерево, неугомонные кукушки.

В кустах над ручьями заливаются соловьи.

В лесу под деревьями рыщут звери. Бродят медведи, пасутся лоси, резвятся весёлые белочки. В тёмной чащобе скрывается разбойница-рысь.

У самой вершины старой ели, в густых ветвях, свили гнездо тетеревятники-ястребы.

Много лесных тайн, сказочных чудес видят они с высокой тёмной вершины.

Летний рассвет

Кончилась летняя тёплая ночь. Занимается над лесом утренняя заря.

Над лесными полями ещё стелется лёгкий туман. Прохладной росой покрыта листва на деревьях.

Уже проснулись певчие птицы. Закуковала и поперхнулась спросонья кукушка.

«Ку-ку! Ку-кук-кук!» — звонко по лесу раздалось её кукованье.

Скоро взойдёт, обсушит росу тёплое солнышко. Привечая солнышко, ещё громче запоют птицы и закукует кукушка. Растает туман над поляной.

Вот с ночного промысла возвращается усталый зайчишка-беляк.

Много врагов у маленького зайчишки.

Гонялась за ним хитрая лисица, пугал страшный филин, ловила разбойница-рысь.

От всех врагов ушёл маленький зайчишка.

Филин

Перед восходом солнца в глубокое, тёмное дупло спрятался ночной разбойник — филин.

Раскинув огромные крылья, всю ночь неслышно летал он над лесными опушками, высматривал добычу. Даже в ночной темноте хорошо видят его круглые злые глаза. Много зверьков и доверчивых птиц поймал и съел ушастый разбойник.

Боятся дневного, яркого света филин. Если увидят днём филина птицы, начинается в лесу переполох. Громко трещат сороки, кричат хлопотливые сойки. На этот крик со всех сторон слетаются вороны и ястребы.

Даже самые маленькие лесные птички собираются судить и наказывать ночного разбойника, ослеплённого солнечным, ярким светом.

Увидела в дупле ушастого филина проворная попрыгунья-белочка, пронзительно на весь лес заверещала:

«Разбойник! Разбойник здесь живёт!»

На вырубке

Осветило лесную вырубку тёплое солнышко.

Обсохла ночная холодная роса.

Спокойно и тихо на глухой вырубке в лесу. Пахнет багульником, спелой, душистой земляникой.

На край вырубki вывела свой выводок старая глухарка-мать. Будто пушистые, мягкие шарики, рассыпались маленькие глухарята. Ловят в траве мошек, клюют сладкую землянику.

Взлетела на пенёк старая глухарка. То посмотрит на небо, то поглядит в лес. Не покажется ли ястреб-тетеревятник, не пробежит ли хитрая лисица, не промелькнёт ли в высокой траве проворный горноста́й?

Зорко сторожит свой выводок осторожная глухарка.

Как в настоящем детском саду, бегают по лесной вырубке шустрые, маленькие глухарята.

Лесные сторожа

Самая чуткая и умная птица — вóрон.

Всё видят, всё чуют умные вороны — зоркие лесные сторожа.

Вот с добычей в зубах, хоронясь в кустах, пробежал по лесу волк. Увидели волка зоркие вороны, закружились над разбойником, закричали во всё вороново горло:

«Каррр! Каррр! Разбойника бить! Разбойника бить!»

Услыхал этот крик волк, уши прижал, побежал скорей в своё логово.

На берегу лесного озера заметили вороны лисицу. Тихонечко пробиралась кумушка в нору. Разорила много птичьих гнёзд, много обидела птенцов.

Увидели вороны и лисицу:

«Каррр! Каррр! Ловите, ловите разбойницу!»

Испугалась, спряталась в тёмный лес лисица. Знает, что чуткие лесные сторожа не дадут ей разорять гнёзда, обижать маленьких птенцов.

Лисья нора

В сосновом лесу вырыла глубокую, нору лисица.

Ещё ранней весной здесь, в норе родились слепые маленькие лисенята.

Каждый день уходит лисица за добычей, оставляет в норе лисенят.

Подросли, окрепли рыжие лисенята, стали выходить из тесной тёмной норы.

Привольно играть и резвиться в лесу под деревьями, кувыркаться по мягкому моху.

Хоронясь за деревьями, возвращается с добычей старая лисица.

Жадно набросятся на добычу голодные лисенята.

Быстро растут, много едят бойкие лисенята.

Над рекой

По берегам реки — сосновый бор.

Дует над рекой ветер. Плещут в берег шумные волны. Гуляют по волнам седые барашки-беяки.

Взлетел над волнами огромный орлан-белохвост. Держит в когтях живую, трепещущую рыбину.

Умеют ловить рыбу зоркие орланы. С огромной высоты камнем бросаются на волны, цепко схватывают добычу.

В самых больших лесах на вершинах высоких деревьев устраивают гнёзда орланы. Много всяческой добычи приносят прожорливым птенцам.

Далеко видят зоркие и сильные орланы. Под самыми облаками паря́т они в ясные дни.

Хорошо видят, где спрятался в траве, прижав уши, зайчонок, где всплеснула над

во́лнами рыба, где на лесную вырубку вывела свой выводок осторожная глухарка-мать.

Рысёнок

Под старой сосной вытянулась, греется на солнышке рысь.

Тихо в глухом лесу.

Слышит рысь, как перепорхнёт с дерева на дерево рябчик, как пропищит, покачиваясь на ветке, синичка, прошелестит лесная мышь.

Маленький пушистый рысёнок взобрался на спину рыси. Потягивается, мурлычет старая рысь, играет с маленьким весёлым рысёнком.

Ночью уходит рысь за добычей. Неслышно крадётся под деревьями, ловит птиц и неосторожных, робких зайчишек.

Никто не увернётся от острых когтей разбойницы-рыси: ни зазевавшийся зайчишка-беяк, ни старый тетерев и тяжёлый глухарь, ни задремавший пугливый рябчик.

Много вреда делает в лесу злая разбойница-рысь.

Лоси

Наступил вечер в лесу. За макушки деревьев закатилось солнышко.

Пасётся на краю болота лосиха со своим длинноногим неуклюжим лосёнком.

Досыта наелись они сочной травой.

Звонят над болотом надоедливые комары. Отбиваются от комаров лоси, потряхивают длинными ушами.

Чтобы спастись от комаров, забираются иногда лоси в воду. Ни воды, ни больших вязких болот, ни глухой, непролазной чащобы не страшатся сильные лоси.

Всюду бродят по лесу лоси — переходят болота, переплывают широкие реки и глубокие лесные озёра.

Там, где люди не обижают лосей, доверчиво выходят они из лесу. Нередко люди видят лосей на окраинах селений и городов. Случается, забредают они в сады и подгородные парки.

Настоящие охотники берегут, не стреляют лосей. Любуются они большими, красивыми животными, не причиняющими вреда человеку.

Летняя ночь

Наступила тёплая ночь в лесу.

Светит луна на окружённую лесом поляну. Стрекохут ночные кузнечики, заливаются в кустах соловьи.

В высокой траве без отдыха кричат длинноногие, проворные коростели.

«Тпрусь-тпрусь! Тпрусь-тпрусь! Тпрусь-тпрусь!» — со всех сторон слышится их громкий хриплый крик.

Беззвучно носятся в воздухе летучие мыши.

У края тропинки там и там зажглись зелёные фонарики светляков.

Тихо в ночном лесу. Чуть слышно журчит скрытый лесной ручеёк. Душисто пахнут ночные красавицы — фиалки.

Вот проковылял, хрустнул сучком, отправляясь на промысел, заяц-беляк. Отбросив лёгкую тень на поляну, пролетела и скрылась сова.

В глубине леса вдруг ухнул и захохотал, как в страшной сказке, филин-пугач.

Испугалась филина, проснулась в гнезде, робко пискнула лесная маленькая птичка...

Осень

Пришёл сентябрь. После знойного лета, после августовских тёплых дней наступила золотая осень.

По опушкам лесов ещё растут грибы: красноголовые подосиновики, зеленоватые и розовые сыроежки, скользкие грузди и душистые рыжики. На старых больших пнях жмутся друг к другу тонконогие опёнки.

В моховых болотах ожерельем рассыпана по кочкам румяная клюква. На освещённых солнцем лесных полянах краснеют гроздья рябины.

Чист и прозрачен воздух. Далеко слышны звуки, отчётливо разносятся голоса. На дне лесного ручья виден каждый камешек, каждая тонкая травинка. По прозрачному высокому небу бегут и бегут облака. В погожие тихие дни летает над землёй, садится на лицо липкая паутина.

В эти осенние дни многие птицы готовятся к отлёту. Уже улетели ласточки, быстрокрылые стрижи. Остаются зимовать рябчики, тетерева, куропатки. В шумные стайки собираются скворцы, улетают на юг певчие птицы. В дальний путь отправляются дикие гуси, покидают родные болота длинноногие журавли.

Улетают журавли

В золотые осенние дни собирались к отлёту журавли. Готовясь в далёкий путь, покружили они над рекой, над родным болотом. Собравшись в стройные косяки, потянули в дальние тёплые страны.

Через леса, через поля, через шумные города высоко в небе летели журавли.

В глухом лесу, на краю болота, остановились на отдых.

Ещё до рассвета проснулись чуткие журавли.

Чуть брѣзжит¹ над рекой, над лесными чѣрными макушками ранняя зорька. Тѣмным и мрачным кажется в эту пору глухой лес.

Один за другим журавли поднимаются с болота. В этот ранний час в лесу просыпаются птицы, бегают по берегу проворные кулики.

Скоро взойдѣт над рекой и лесом весѣлое солнце. Всѣ тогда засияет, всѣ переменится в осеннем тѣмном лесу.

Высоко поднимутся журавли. С высокого ясного неба услышим их прощальные голоса.

До свидания, до свидания, журавли! До радостной встречи весной!

У лесного озера

Широко раскинулось глубокое лесное озеро с прозрачной, чистой водой. Восходит над лесом и озером солнце.

На яркий, осыпанный росинками-алмазами расписной ковѣр похожи берега пустынного озера. Над болотными кочками, заросшими вѣреском, мхом, багульником и голубикой, стоят редкие сосны.

Тихо утром в глухом лесу. Изредка пропищит синичка; перепорхнѣт, сядет долбить дерево дятел.

Ещё на рассвете вылетел на береговую гальку мошник-глухарь. Ходит у самой воды, выбирает и клюѣт крепкие круглые камешки.

В таѣжных глухих лесах каждую осень вылетают глухари по утрам на берега рек и озѣр клевать береговую чистую гальку. Крепкие круглые камешки нужны глухарям, чтобы перемалывать, перетирать в зобѣх² грубую зимнюю пищу. Всю долгую зиму будут питаться глухари колючей и жѣсткой сосновой хвоей.

Ходит по гальке глухарь, выбирает крепкие камешки. Не шелохнѣтся прозрачное озеро.

Выше и выше поднимается над лесом осеннее солнце.

¹ **Брѣзжить** – слабо светиться, распространять слабый свет.

² **Зоб** – расширенная часть пищевода у птиц, служащая для накопления и размягчения пищи.

Беляк

Выскочил из своего логова трусливый зайчишка. Сел, слушает.

Страшно робкому зайчишке-беляку. Много у него в лесу врагов. Вдруг подкрадётся хитрая лисица, или схватит голодный волк, или спрыгнет с дерева и загрызёт быстрая рысь...

Всякого шума боится беляк. Заскрипит дерево — кажется беляку, это идут злые волки. Прыгнет из-под ног лягушонок — тоже страшно зайчонку. Гугукнет ночью сова — у беляка душа в пятки.

Почти весь год в страхе живёт зайчишка-беляк. А всего страшнее ему в осенние прозрачные дни. Где ни ляжет, ни спрячется, его видно издалека: кругом всё жёлтое, золотое, а портóчки¹ у бедняги уже побелели. Ни ночью, ни днём не спит робкий беляк.

Ждёт не дождётся, когда придёт зима, выпадет глубокий снег.

Зимою беляк весь белый, только кончики ушей чёрные.

Зароется он в снежный сугроб — никто его не увидит: ни хитрая лисица, ни волк, ни быстрая рысь.

Ёж

Через пни и колоды, через высокие заросшие кочки, через лесные открытые поляны пробирается в своё логово ёж.

Осенью у ежей мало добычи. Попрятались в землю черви, скрылись юркие ящерицы, в клубки свились скользкие змеи и чёрные ужи. Трудно находить жуков и глупых лягушек.

В ясные осенние дни готовит себе хлопотливый труженик ёж тёплое зимовище.

Ночью и днём таскает в нору под старым пнём душистые сухие листочки и мягкий лесной мох — стелет зимнюю постель.

Скоро заберётся ёж в своё логово на всю долгую зиму. Больше не станет бегать по лесу, ловить червей и жуков.

¹ Портóчки — то же, что штаны.

Придёт зима, накроет его нору глубокий снежный сугроб. Под глубоким сугробом, как под толстым пушистым одеялом, тепло ежу.

Никто не найдёт его логова, никто не разбудит. До весеннего солнышка всю зиму проспит ёж, и будут ему сниться лесные ежиные сны.

Белки

В тёмном еловом лесу с утра до позднего вечера без устали хлопочут проворные белки. То заберутся на вершину высокой ели, то перемахнут с сучка на сучок, то вниз головой спускаются на землю собирать грибы.

В развилине елового сучка белки развесили сушить красноголовый подосиновик, тонконогие маленькие опёнки. В лесных кладовых спрятали отборные, вкусные орехи.

Поздней осенью переменят белки свои рыжие платица на серые зимние шубки.

В вершинах густых ёлок устроены у белок тёплые гнёзда. В этих гнёздах, в устланных мягким мхом глубоких дуплах белки воспитывают и кормят своих маленьких бельчат, зимою спасаются от лютых морозов и холодных ветров.

Самый весёлый, самый проворный и хлопотливый зверёк в наших лесах — шустрая белка.

Медведи

Вечером вышла медведица с медвежонком на лесную полянку, увидела муравьиную кучу. Хочется ей полакомиться муравьями и угостить медвежонка.

А в муравьиной куче сидел зелёный дятел-муравьед, добывал муравьиные яйца. Услыхал он медведей, вспорхнул с кучи, улетел в лес.

Подошла медведица к муравьиной куче, стала разгребать лапой кучу. Раскопала её и высунула длинный красный язык.

Облепят муравьи медвежий язык, а медведица — хоп! хоп! — и проглотит муравьёв. Смотрит на медведицу медвежонок, учится, как нужно есть муравьёв.

Много забот и хлопот по осени у медведей. Нужно наесться на всю долгую зиму, накопить побольше жиру, нужно устраивать тёплую берлогу.

Поздней осенью заберутся медведи в свои берлоги, будут спать до весны, до весеннего тёплого солнышка.

Рысь

Вечером, после охоты, вышла осторожная рысь на лесную поляну. Несёт в зубах краснобрового тетерева-косача.

Тихо и мрачно вечером в глухом лесу. Стоят не шевелятся высокие тёмные ели. Легко и неслышно скачет под ними чуткая рысь.

Слышит рысь, как падают с деревьев, кружась в воздухе, сухие листья, как свистит в лесной чащобе рябчик и попискивают шустрые синички, как перепорхнул, уселся на сухом дереве дятел.

Всё видит, всё слышит рысь в глухом лесу.

И лето, и зиму скитаются по лесу, ищут добычу чуткие рыси. То поймают неосторожного зайчишку-беляка, то схватят белку или подкрадутся к задремавшему тетереву-косачу, на ходу проглотят лесную мышь. Трудно увидеть осторожную и чуткую рысь. Неслышно ходит и далеко слышит рысь, умеет забираться на высокие густые деревья.

Осенний вечер

Быстро наступает вечер в глухом лесу.

Тёмные тени лежат под деревьями. Недвижно высятся старые сосны, чернеют густые разлапые ели.

Пахнет в лесу смолой, сосновой хвоей, осенней опавшей листвой.

Скрылось за деревьями вечернее низкое солнце.

Ещё не спят, кормятся в лесу птицы.

Вот на стволе дерева уселся красноголовый чёрный дятел — желна́. Он звонко долбит сухое дерево.

Далеко слышен в вечернем тихом лесу торопливый стук дятла. Будто сказочный лесной часовой барабанит вечернюю зарю.

Вертятся возле дятла шустрые синички, подбирают жучков и червяков.

Скоро наступит в лесу тёмная, непроглядная ночь. Замолкнут и заснут дневные птицы и звери.

Выйдет из дневного логова зайчишка-беляк, робко заковыляет по сухим, ломким листьям. Страшно ночью в лесу трусливому зайчишке: то неслышно пролетит сова, то хрустнет сухой веткою рысь, то в дальнем болоте завоют, собирая волчат, злые волки.

Алексей Плещеев

Стихотворение «Птичка»

(Отрывок)

Для чего, певунья птичка,
Птичка резвая моя,
Ты так рано прилетела
в наши дальние края?

Заслонили солнце тучи,
Небо всё заволокли;
И тростник сухой и жёлтый
Клонит ветер до земли.

Вот и дождик, посмотри-ка,
Хлынул, словно из ведра;
Скучно, холодно, как будто
Не весенняя пора!..

Афанасий Фет

Стихотворение «Рыбка»

Тепло на солнышке. Весна
Берёт свои права;
В реке местами глубь ясна,
На дне видна трава.

Чиста холодная струя,
Слежу за поплавком, –
Шалунья рыбка, вижу я,
Играет с червяком.

Голубоватая спина,
Сама как серебро,
Глаза – бурмитских¹ два зерна,
Багряное перо.

Идёт, не дрогнет под водой,
Пора – червяк во рту!
Увы, блестящей полосой
Юркнула в темноту.

Но вот опять лукавый глаз
Сверкнул невдалеке.
Постой, авось на этот раз
Повиснешь на крючке!

¹ Бурмитский – крупный, округлый (о жемчуге)

Стихотворение «Осень»

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь – поневоле
Тяжело – хоть плачь!
Смотришь – через поле
Перекати-поле¹
Прыгает как мяч.

¹ **Перекати-поле** – степное растение. Осенью ветер отрывает от корня высохшее, круглое, как шар, перекати-поле и катит его по полям.

Фёдор Тютчев

Стихотворение «Зима недаром злится»

Зима недаром злится,
Прошла её пора –
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуеилось,
Всё нудит Зиму вон¹ –
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопчет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

¹ Нудит Зиму вон – заставляет, вынуждает зиму уйти.

Константин Ушинский

Рассказ «Ласточка»

Мальчик осенью хотел разорить прилепленное под крышей гнездо ласточки, в котором хозяев уже не было: почуяв приближение холодов, они улетели.

– Не разорь гнезда, – сказал мальчику отец, – весной ласточка опять прилетит, и ей будет приятно найти свой прежний домик.

Мальчик послушался отца.

Прошла зима, и в конце апреля пара острокрылых, красивеньких птичек, весёлых, щебечущих, прилетела и стала носиться вокруг старого гнёздышка.

Работа закипела; ласточки таскали в носиках глину и ил из ближнего ручья, и скоро гнёздышко, немного попортившееся за зиму, было отделано заново. Потом ласточки стали таскать в гнездо то пух, то пёрышко, то стебелёк мёха.

Прошло ещё несколько дней, и мальчик заметил, что уже только одна ласточка вылетает из гнезда, а другая остаётся в нём постоянно.

«Видно, она наносила яичек и сидит теперь на них», — подумал мальчик.

В самом деле, недели через три из гнезда стали выглядывать крошечные головки. Как рад был теперь мальчик, что не разорил гнёздышка!

Сидя на крылечке, он по целым часам смотрел, как заботливые птички носились по воздуху и ловили мух, комаров и мошек. Как быстро сновали они взад и вперёд, как неутомимо добывали пищу своим деткам!

Мальчик дивился, как это ласточки не устают летать целый день, не приседая почти ни на одну минуту, и выразил своё удивление отцу. Отец достал чучело ласточки и показал сыну:

– Посмотри, какие у ласточки длинные, большие крылья и хвост в сравнении с маленьким, лёгким туловищем и такими крошечными ножками, что ей почти не на чем сидеть; вот почему она может летать так быстро и долго. Если бы ласточка умела говорить, то такие бы диковинки рассказала она тебе – о южно-русских степях, о крымских горах, покрытых виноградом, о бурном Чёрном море, которое ей нужно было пролететь, не присевши ни разу, о Малой Азии, где всё цвело и зеленело, когда у нас выпадал уже снег, о голубом Средиземном море, где пришлось ей раз или два отдохнуть на островах, об Африке, где она вила себе гнёздышко и ловила мошек, когда у нас стояли крещенские морозы.

– Я не думал, что ласточки улетают так далеко, – сказал мальчик.

– Да и не одни ласточки, – продолжал отец, – жаворонки, перепелá, дрозды, кукушки, дикие утки, гуси и множество других птиц, которых называют перелётными, также улетают от нас на зиму в тёплые страны. Для одних довольно и такого тепла, какое бывает зимою в южной Германии и Франции, другим нужно перелететь высокие снежные горы, чтобы приютиться на зиму в цветущих лимонных и померáнцевых¹ рощах Италии и Греции; третьим надобно лететь ещё дальше, перелететь всё Средиземное море.

– Отчего же они не остаются в тёплых странах целый год, – спросил мальчик, – если там так хорошо?

– Видно, им недостаёт корма для детей или, может быть, уж слишком жарко. Но ты вот чему подивись: как ласточки, пролетая тысячи четыре вёрст, находят дорогу в тот самый дом, где у них построено гнездо?

¹ Померáнцевые – цитрусовые и некоторые другие вечнозеленые субтропические растения.

Рассказ «Ветер и Солнце»

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и, наконец, решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

– Посмотри, – сказал Ветер, – как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал, – и начал дуть, что было мочи¹. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал всё дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождём и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уж Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдернуть.

Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамерзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

– Видишь ли, – сказала тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, – лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

¹ Что было мочи – со всех сил.

Рассказ «Капустная бабочка»

Мальчик поймал на огороде беленькую бабочку и принёс к отцу.

– Это вредная бабочка, – сказал отец, – если их разведётся много, то пропадёт наша капуста.

– Неужели эта бабочка такая жадная? – спрашивает мальчик.

– Не самая бабочка, а её гусеница, – отвечал отец. – Бабочка эта нанесёт крохотных яичек, и из яичек выползут червячки: их-то и зовут гусеницами. Гусеница очень обжорлива: она только и делает, что ест да растёт. Когда она вырастет, то сделается куколкой. Куколка не ест, не пьёт, лежит без движения, а потом вылетит из неё бабочка, такая же, как вот эта. Так превращается всякая бабочка: из яичка в гусеницу, из гусеницы в куколку, из куколки в бабочку; а бабочка нанесёт яичек и замрёт где-нибудь на листе».

Сказка «Проказы старухи зимы»

Разозлилась старуха-зима, задумала она всякое дыхание со света сжить. Прежде всего она стала до птиц добираться: надоели ей они своим криком и писком.

Подула зима холодом, посорвала листья с лесов и дубрав и разметала их по дорогам. Некуда птицам деваться; стали они стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетели за высокие горы, за синие моря, в тёплые страны. Остался воробей, и тот под стреху¹ забился.

Видит зима, что птиц ей не догнать: накинулась на зверей. Запорошила снегом поля, завалила сугробами леса, одела деревья ледяной корой и посылает мороз за морозом.

Идут морозы один другого злее, с ёлки на ёлку перепрыгивают, потрескивают да пощёлкивают, зверей пугают. Не испугались звери: у одних шубы тёплые, другие в глубокие норы спрятались; белка в дупле орешки грызёт, медведь в берлоге лапу сосёт; зайнышка, прыгая, греется, а лошадки, коровки, овечки давным-давно в тёплых хлевах готовое сено жуют, тёплое по́йло² пьют.

Пуще злится зима — до рыб она добирается: посылает мороз за морозом, один другого лютее. Морозцы бойко бегут, молотками громко постукивают: без клиньев, без подклинков по озёрам, по рекам мосты строят. Замёрзли реки и озёра, да только сверху, а рыба вся вглубь ушла: под ледяной кровлей ей ещё теплее.

— Ну, постой же, — думает зима, — дойму я людей, и шлёт мороз за морозом, один другого злее. Заволокли морозы узорами оконницы в

¹ **Стрехá** — нижний, свисающий край крыши деревянного дома.

² **По́йло** — питье для домашних животных, обычно с прибавлением отрубей, муки.

окнах; стучат и в стены, и в двери, так что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекут себе блины горячие да над зимою посмеиваются. Случится кому за дровами в лес ехать — наденет он тулуп, валенки, рукавицы тёплые да как примется топором махать, даже пот прошибёт. По дорогам, будто зиме на смех, обозы потянулись: от лошадей пар вáлит, извозчики ногами потопывают, рукавицами похлопывают, плечами подёргивают, морозцы похваляют.

Обиднее всего показалось зиме, что даже мáлые ребятишки — и те её не боятся! Катаются себе на коньках да на салазках, в снежки играют, баб лепят, горы строят, водой поливают, да ещё мороз кличут: «Приди-ка пособить!» Щипнёт зима со злости одного мальчугана за ухо, другого за нос, даже побелеют, а мальчик схватит снегу, давай тереть — и разгорится у него лицо, как огонь.

Видит зима, что ничем ей не взять, заплакала со злости. Со стрех зимние слёзы закапали... видно, весна недалёко!

Александр Блок

Стихотворение «На лугу»

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончье
Над лугом голоса.

Весна идёт сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
в ручье журчит волна...

Стихотворение «Ветхая избушка»

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.

Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...

Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом ...

В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят, –
По домам пора!

Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна,
– Ан, уж дом растаял,
На дворе – весна!

Алексей Толстой

Стихотворение «Где гнутся над омутом лозы...»

Где гнутся над омутом¹ лозы.
Где летнее солнце печёт.
Летают и пляшут стрекозы.
Весёлый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать.
Дитя, подойди, подойди же.
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки.
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенку знаем так много.
Мы так тебя любим давно –
Смотри, какой берег отлогий²,
Какое песчаное дно!»

¹ **Омут** – глубокая яма на дне реки или озера.

² **Отлогий** – имеющий постепенный спуск, небольшой уклон; не крутой.

Аполлон Майков

Стихотворение «Летний дождь»

«Золото, золото падает с неба!» –
Дети кричат и бегут за дождём ...
– Полноте, дети, его мы сберём,
Только сберём золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

Николай Гребов

Стихотворение «Летом»

Зарумянились вишня и слива,
Налилась золотистая рожь,
И как море волнуется н¹ва
И в траве на лугах не пройдёшь.

Солнце ходит высоко над сводом
Раскалённых от зноя небес,
Пахнет липа душистая мёдом,
И шумит полный сумрака лес...

¹ Н¹ва – обработанное поле, пашня, посевы.

Николай Некрасов

Стихотворение «Славная осень»

Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд не окрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор!
Листья поблёкнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

Александр Пушкин

Стихотворение «Уж небо осенью дышало...»

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Стихотворение «Вот север, тучи нагоняя...»

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл – и вот сама
Идёт волшебница зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.

Сергей Есенин

Стихотворение «Пороша»

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку¹,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

¹ Клюка — палка с загнутым верхним концом, используемая для опоры при ходьбе.

Спиридон Дрожжин

Стихотворение «Пройдёт зима холодная»

Пройдёт зима холодная,
Настанут дни весенние,
Теплом растопит солнышко,
Как воск, – снега пушистые,
Листами изумрудными
Леса зазеленеются,
И вместе с травкой бархатной
Взойдут цветы душистые.

